

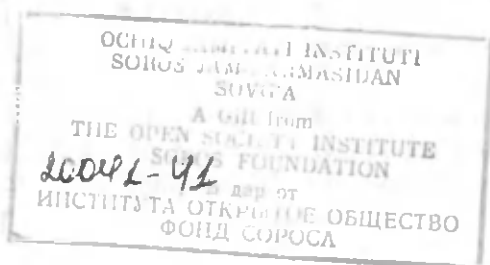
9
Г38

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В.А. ГЕРМАНОВ

ПРОФЕССОР ПУЛАТ САЛИЕВ И ЕГО ВРЕМЯ
(ЖИЗНЬ И ТРАГЕДИЯ ОСНОВАТЕЛЯ УЗБЕКСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ)

[сокращённый вариант]

ТАШКЕНТ

Издательство "Фан" Академии наук Республики Узбекистан

2002

В(С.ч.) Узб - История Узбекиста

Данная монография, созданная на основе не привлекавшихся ранее источников, посвящена трагической судьбе учёного-историка, профессора Пулата Салиева, стоявшего у истоков узбекской и среднеазиатской научных школ средневековой и новой истории, погибшего в годы политического террора 30-х годов XX столетия.

Для отечественного и зарубежного читателя: историков, студентов, учащихся и всех интересующихся малоизученными проблемами истории Узбекистана, других государств Средней Азии.

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор Д.А. Алимова

Рецензенты:
кандидат исторических наук К.К. Раджабов
кандидат исторических наук Л.Г. Левтеева
научный сотрудник Р.Н. Шигабдинов

Г $\frac{5030209040 - 3 - 608}{M 355 - (04) - 2002}$ Рез. - 2002

© Издательство "Фан"
Академия наук Республики
Узбекистан, 2002

ISBN 5 - 648 - 02833 - 4

Валерий Александрович Германов
Профессор Пулат Салиев и его время
(жизнь и трагедия основателя узбекской исторической школы)

Редактор Х.Э. Раупова

Сдано в набор 27.05.2002. Подписано к печати 23.05.2002.
Формат А5. Усл. печ. л. 4,0. Учётно-издательских листов 2,7. Тираж 500 экз.
Заказ №66. Цена договорная.

Издательство "Фан" АН РУ: 700047. г. Ташкент, ул. акад. Я. Гуламова, 70.
Отпечатано в минитипографии УД АН РУ:
700047. г. Ташкент, ул. акад. Я. Гуламова, 70.

У 51605
116050

У

ОТ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

За последнее десятилетие в исторической науке Узбекистана произошли огромные позитивные перемены, связанные с новыми подходами к изучавшимся ранее проблемам и формированием объективного отношения к еще не изученным. Наиболее острая среди них – правдивое освещение истории репрессивной политики советской власти и конкретной участи людей, ставших жертвами тоталитарного режима и необоснованных политических репрессий.

Распоряжение Президента страны И.А. Каримова о создании общественной комиссии по «увековечению памяти тысяч самоотверженных людей, представителей интеллигенции, отдавших свои жизни в борьбе за свободу и независимость нашей Родины, призывавших нацию к свободе, ставших жертвой репрессий в период советского режима, дальнейшего глубокого изучения их жизни и деятельности, богатого научного и творческого наследия...», а вслед за этим и выход постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан^{*} ещё более активизировали работу историков по восстановлению имен репрессированных в 20-50-е годы государственных деятелей, ученых, деятелей литературы и культуры, рабочих и служащих.

Целенаправленная работа ученых в этом направлении уже позволила возродить имена первых историков Узбекистана, репрессированных в те годы по идеологическим причинам. К ним, прежде всего, относится Пулат Салиев – известная фигура в отечественной историографии, родоначальник узбекской исторической школы. До настоящего времени сведения о нем были весьма отрывочными и неполными. Вот почему книга В.А. Германова «Профессор Пулат Салиев и его время (жизнь и трагедия основателя узбекской исторической школы)» представляется значительным вкладом в узбекистанскую историографию. Образ П. Салиева высвечен здесь во всей своей полноте и яркости на фоне общественно-политических собы-

^{*} Народное слово. 12 мая и 24 июля 1999 г.

тий первых трех десятилетий XX столетия. Доступ, открывшийся за последние годы во многие архивы, позволил автору извлечь не известные ранее факты из жизни и деятельности П. Салиева и осветить многие аспекты его жизни, касающиеся периода обучения, просветительской и политической деятельности, а также пребывания в тюрьме. Анализ, осуществленный В.А. Германовым на основе полного комплекса данных (архивных материалов, бесед с потомками, воспоминаний коллег и учеников, переписки и т.д.) позволил автору выстроить архитектуру книги в виде интереснейшего эссе, вовлекающего читателя в водоворот событий 1917 года, когда П. Салиев был в числе организаторов Туркестанской автономии, 20-х годов, когда отмечалось бурное развитие его научной деятельности, и 30-х годов, когда велась целенаправленная травля и попытки его политической дискредитации. Помимо этого, в книге на основе материалов НКВД 30-х годов раскрывается механизм политического террора, имевшего в Узбекистане не менее страшные проявления, чем в других регионах бывшего СССР.

Прочитав книгу, читатель сам сможет убедиться в том, что значимость П. Салиева как политической фигуры, и как интеллигентного и интеллектуального человека и просто гражданина, всем сердцем болевшего за прогресс Родины, не менее велика, чем, скажем, значимость таких известных общественных деятелей Узбекистана, как Абдурауф Фитрат, Назир Тюракулов, Садриддин Айни, Ашурали Захири, Гази Алим Юнусов, Хади Файзи и мн. др.

Надеемся, что это первое издание ляжет в основу серии книг-персоналий, посвященной светлой памяти великих сынов узбекского народа.

*Д.А. Алимова,
доктор исторических наук, профессор,
директор Института истории
Академии наук Республики Узбекистан*

1. КТО ВЫ, ПРОФЕССОР САЛИЕВ?*

«Я своими лучшими учениками считаю Яхью Гулямова и Рашида Набиева... если со мной что-либо случится они ни в коем разе не оставят мою семью, они всегда будут оказывать ей материальную помощь. Это я проверил на практике и я на них вполне надеюсь...»

*Пулат Салиев***

Среди имен выдающихся историков Узбекистана первой трети XX столетия, стёртых или полустёртых из памяти народа, значительное место занимает имя первого узбекского профессора истории, основоположника узбекской и среднеазиатских научных школ средневековой и новой истории Средней Азии Пулата Маджитовича Салиева¹.

И действительно, сегодня мало кто в мире знаком с его историческими сочинениями, увидевшими свет на узбекском и, в меньшей мере, на русском языках в 20-30-е годы XX столетия. Созданные на основе древних средневековых манускриптов, написанных на староузбекском, арабском языках и на языке фарси, в своё время они были изъяты из библиотек и подверглись уничтожению как идеологически не выдержанные. До нас дошли лишь немногие экземпляры книг Пулата Салиева, долгие годы находившихся на спецхранении в нескольких крупнейших библиотеках страны, среди которых: «Индия под игом Англии» (1920 и 1926), «Бухара в эпоху династии мангытской династии» (1920 и 1926), «История Бухары» (1923), «История Средней Азии. Часть 1.» (1926)***, «Узбекистан и Таджи-

* Автор выражает искреннюю благодарность дочери профессора Пулата Маджитовича Салиева Фариде Пулатовне Мухитдиновой и его внуку Алишеру Мамджановичу Мухитдинову за любезно предоставленные воспоминания, документальные материалы и фотографии – В.Г.

** Из частного разговора П. Салиева с его учеником Муслимом Ходжаевым, состоявшегося накануне ареста учёного в 1937 году. Здесь и далее текст в цитатах текст в цитатах подвергнут незначительной редакционной обработке, не искажающей основного его содержания. – Ред.

*** В 1927 году в журнале «Маориф ва уkitувчи» (орган Народного комиссариата просвещения Узбекистана), Самарканд, №5, известный татарский историк,

кистан. Экономико-географический очерк» (1926), «Эпоха торгового капитала в Средней Азии. Часть 1» (1926), «Распространение ислама в Средней Азии» (1928).

Критически относясь к тенденциозным историческим хроникам придворных летописцев и одновременно пользуясь рядом фактических данных, извлечённых из восточных рукописей позднего средневековья, П. Салиев создаёт свой главный опубликованный труд «История Узбекистана. XV – первая половина XIX вв.» (1929).

Кроме того, существуют свидетельства родственников и близких о том, что П. Салиев предпринял попытку создания первого за всю историю узбекского народа обобщающего труда «История Узбекистана с древнейших времён до настоящего времени в двух томах». Считается, что это произведение было конфисковано во время ареста и, быть может, навсегда утрачено. Вероятно, это и была «Тайная история Пулата Салиева», его сокровенная авторская версия, которую он «писал в стол», не надеясь на скорую публикацию. Во время обыска были также изъяты подготовленные к печати рукописи работ «Материалы к истории узбекского народа» (объём 30-35 печатных листов), «Эпоха торгового капитала в Средней Азии. Часть 2» (объём 20 п. л.) и «История Средней Азии. Часть 2.» (объём 10 п. л.).

За глубокие научные исследования и труды, по свидетельству современников, П. Салиев удостоился быть избранным в почётные члены Турецкого исторического общества (Turk Tarih Kurumu), образованного в 1931 году по инициативе Кемаля Ататюрка.

учёный-порколог Газиз Губайдуллин, принимавший с середины 20-х годов XX века активное участие в разработке истории узбеков, поместил рецензию на книгу Пулата Салиева «История Средней Азии». Г. Губайдуллин, отзываясь об этом произведении, в частности, указывает, что в «Историю Средней Азии» была вложена творческая сила». Похвальным, как считал Г. Губайдуллин, было критическое изучение Пулатом Салиевым первоисточников. Ожидая с нетерпением выхода «Истории Средней Азии. Часть 2», Губайдуллин отмечал и имеющиеся недостатки, находя преувеличенной роль «коммерческо-торгового капитала» в Средней Азии в средние века. Даже, рассматривая историю Западной Европы в XI-XII века, Г. Губайдуллин считал, что нельзя говорить о наличии коммерческого капитализма. Несмотря на существование здесь даже таких ганзейских городов, как Любек, Франкфурт-на-Майне, Гамбург. Подробнее об этом см.: Шигабдинов Р.Н. Узбекский период научной деятельности профессора Газиза Губайдуллина/Гасырлар авазы – Эхо веков. Историко-документальный журнал. Казань, 2002, №1-2, С. 146-152.

Жизнь и смерть П. Салиева, судьба его обширного историко-литературного наследия, архива и широко известной за пределами Узбекистана библиотеки полны многих неразгаданных тайн и загадок. Известно, что родился Пулат Салиев в 1882 г. в семье астраханца из племени мангыт². Астрахань издавна служила одной из главных перевалочных торговых баз на пути из Средней Азии в Россию, где находились Бухарская, Индийская и Армянская торговые колонии.

Торгово-экономические контакты между Астраханью и Средней Азией существовали и при Амуре Темуре, отправлявшем караваны через будущую Астрахань. Прерванная процессом присоединения Астрахани к России торговля была возобновлена с согласия обеих сторон.

Первые посольства из Бухары и Хивы прибыли в Астрахань осенью 1557 г., из Ташкента – в 1561 г. В течение нескольких столетий Россия и среднеазиатские государства обменивались посольствами, развивали и совершенствовали торговые отношения, причем в качестве равных заинтересованных партнеров.

Вся история возникновения торговых колоний в Астрахани тесно связана именно с давними и широкими контактами, осуществляемыми между Астраханью и Средней Азией. Пример тому астраханский гостиный бухарский двор. Астрахань стала единственным русским городом, где узбекские купцы платили минимальные пошлины. Узбекские купцы стали жить в Астрахани чаще и дольше, они не тратили время на дальние поездки в другие русские города. В 1673 г. в Астрахани воеводе было приказано: старый бухарский двор свести в юрт и устроить новый бухарский двор, который располагался к югу от кремля.

Но поток «хивинских уроженцев» очень скоро привел к обычной перенаселенности в бухарском дворе. Там жили хивинцы и бухарцы, получившие разрешение на движение в пределах Астрахани и через нее, то есть как транзитные путешественники, так и оседлые, местные, осевшие в давние времена торговцы и купцы (Абдул Сейтов, например), шелкопряды и красильщики, бумагоделатели и производители тканей с полноценными российскими «пашпортами». Астраханский губернатор В.Н. Татищев всячески поощрял их деятельность, приносящую только пользу краю, тем более что склады-

вание среднеазиатской (узбекской) диаспор в Астрахани происходило и до него.

Так, в 1740 г. был выдан ряд разрешений на выдачу «пашпортов» «хивинским уроженцам» во главе с караван баши. В «реестре» каравана значатся следующие имена: Нур Магамет, Нияз ага, Шарив, Хоч Мулла, Ходжа куль, Мулла Убадулла шах берды, Абду Салим, Шир Нияз, Вах Кули. Общества бухарского, гилянского и агржанского дворов составляли особое привилегированное сословие, пользовавшееся правом свободной торговли. Это сословие было довольно многочисленным, о чем свидетельствует такой документ, как «Список» 1884 г. Здесь сразу можно отметить: большинство имен в списке указывает на то, что их носители не потеряли связь с исторической родиной – Узбекистаном.

В наши дни в Астрахани можно встретить Кадиризовых, Джафариновых, Нуралиевых, Сафаралиевых, Курбаналиевых, Аминовых, но некоторые из них даже не подозревают, что ранее их предки могли представлять уникальную узбекскую культуру³.

Отец П. Салиева, уроженец аула Кызан, как гласило семейное предание, являлся выходцем из бухарской колонии, а его предки, как рассказывала мне дочь учёного Фариды Пулатовна, в свою очередь происходили из-под Ташкента. Эта красивая семейная легенда с детства привлекала внимание П. Салиева и волновала его. Он ставил перед собой цель в будущем вернуться на родину предков в Туркестан⁴.

К своему 15-летию П. Салиев успел закончить сельскую школу, получить образование в медресе «Низамия» Абдрахмана Умарова (Гумари) – учёного-богослова, историка, этнографа и редактора татарской газеты «Идель» («Волга») в Астрахани, издававшейся в 1907–1914 годах, ученика Шигабуддина Марджани. Затем П. Салиев поступил в Казани в известное медресе Мухаммадие и закончил его в 1905 г. Затем он год проработал в деревенской школе и в 1906 г. стал шакирдом старшего класса медресе Галие в Уфе. Ректором медресе был знаменитый татарский исламовед, автор оригинальных работ Зия Камали.

Вспоминая своего ученика, Зия Камали отмечал его незаурядные способности, особенно ораторские. Здесь Пулат сдружился со своим одноклассником Галимжаном Ибрагимовым (впоследствии

видным татарским писателем, учёным, публицистом, общественным и государственным деятелем, погибшим в годы сталинского террора), с которым они сняли квартиру в Уфе и были неразлучны. После окончания медресе в 1909 г. судьба их разлучит, дав возможность увидеться ещё раз, летом 1914 г. в Даулекане (ныне Республика Башкортостан), когда П. Салиев, Г. Ибрагимов и Мажит Гафури (классик башкирской и татарской литературы) приедут в дом к своему однокласснику Мухтару Ибрагимову. Несколько дней прогулок на лодке, воспоминания о родном медресе, шутки и вновь расставание. Разлучались друзья на время, а как оказалось – навсегда⁵.

После сданных выпускных экзаменов с отличием в медресе Галие П. Салиеву было предложено остаться здесь же для преподавательской работы. Но он отказался, объясняя свой поступок желанием вернуться на родину предков в Среднюю Азию с целью просветительской деятельности.

Закончив два медресе, П. Салиев свободно владел арабским, персидским, турецким и русским языками. Говорил и читал на языках народов Средней Азии. Впоследствии он изучил французский и немецкий языки.

II. НА РОДИНУ ПРЕДКОВ, В ТУРКЕСТАН

После непродолжительного пребывания на родине, где он исполнял обязанности имама, Салиев в 1909 г. приехал в Среднюю Азию. Прибыв в город Ташкент, он поселился в кишлаке Джагайбайлы в семье Сегизбая Атабаева и начал свою педагогическую деятельность. В семье Сегизбая он обратил внимание на его сына Султана, отметив его необыкновенные способности. Впоследствии оба уедут в Казань, где Салиев успешно подготовит Султана к поступлению в гимназию.

Пока же П. Салиев учит детей в окрестных кишлаках истории, арифметике и родному языку, а с 1917 г. приступил к преподаванию в городских школах, сотрудничая в газете «Иль» («Отчизна»), издававшейся в то время в Москве. Его деятельность привлекла внимание главного инспектора училищ Туркестанского генерал-губернаторства историка Федора Михайловича Керенского.

Любопытные подробности об этом периоде деятельности узбекского историка приводит в своей автобиографии, написанной в 1937 г., один из его учеников, в то время уже председатель Совета народных комиссаров Узбекистана Султан Сегизбаев. Он пишет, что в кишлаке Джагайбайлы (ныне Аккурганский район Ташкентской области), где он проживал, не было школы – кишлачного мактаба и поэтому его старший брат разыскал в местности Иски-Ташкент учителя и привел его домой. «Ввиду того, – продолжает Султан Сегизбаев, – что в то время царское правительство преследовало татар-учителей, он учил нас нелегально. (Астраханец по происхождению, П. Салиев для многих оставался татарин, ногаем, а потому был отнесён в этот разряд неугодных учителей – В.Г.). Учились мы у него примерно 2 года, после чего бдительное око царской полиции разыскало его и под конвоем отправил в Ташкент. Где-то через полгода вновь по инициативе моего же учителя и вместе с ним мои родители отправили меня в г. Казань»⁶.

После учёбы в Казани Султан Сегизбаев учился в Ташкентской гимназии, педагоги которой прочили ему будущее на стезе ученого.

Один из учеников – аккурганцев, обучавшихся в то время у П. Салиева, впоследствии рассказывал, как изобрели остроумный способ обучения детей. Было решено замаскировать школу под специально открытую для такого случая керосиновую лавку. Пулат Салиев с чалмой на голове обучал детей в Аккурганском районе, приходивших к нему под видом покупки керосина. Тем не менее хитрость была разгадана. Некоторые муллы, не желавшие иметь у себя под боком конкурента, написали в Ташкент. И П. Салиев отсидел пять суток под стражей в жандармском управлении, арестованный участковым приставом Пскентской волости за «незаконную» учительскую деятельность в кишлаке. Современники, хорошо знавшие просветителя Бек Булата (так подписывал некоторые свои статьи П. Салиев – В.Г.), убеждённо относили его к числу «старых джадидов»⁷.

С 1913 года он стал учителем в русско-татарском училище в Ташкенте, а затем переехал в Коканд, где на протяжении двух лет работал директором учительской семинарии и народного университета.

В 1916 году П. Салиев взял в жёны Фатиму Файзираханову, родную сестру его товарища Хади Файзи, с которым они оба учились в Уфе в медресе Галие. Родом брат и сестра были из Тараза (Джамбула). Отца Фатимы и Хади звали Зарифулла ота. Он был учёным – муллой, получившим образование в городе Бухаре. Их мама Мастура опа была акушеркой и принимала роды уместных женщин.

III. ПИСЬМО ИЗ БЕРЛИНА

Ещё в 1913 году П. Салиев познакомился в Ташкенте с Ахмед Заки Валидовым – известным башкирским тюрко-мусульманским политическим деятелем и историком, специализировавшимся по исследованию Центральной Азии и мусульманского Востока. Вторая с ним встреча произошла в 1917 году также в Ташкенте на Туркестанском мусульманском съезде. Впоследствии знакомство с Ахмед Заки Валидовым, он же Ахмед Заки Валиди Тоган, эмигрировавшим в Турцию и обвинявшимся режимом во многих грехах, в числе которых пантюркизм, панисланизм, национализм и прочие, будет одним из роковых обстоятельств, повлиявших на трагическую судьбу П. Салиева.

Позднее в 1930 году в секретных материалах карательных органов будет фигурировать перехваченное письмо, посланное из Берлина, на имя П. Салиева от А.З. Валидова. В этом письме Валиди просил сообщить о возможности издания и распространения в Средней Азии произведений, созданных им по истории Туркестана. Подлинник письма находился в Народном комиссариате просвещения Узбекистана, а П. Салиев получил лишь его копию.

Этот подлинник был выявлен лишь недавно научным сотрудником Отдела историографии Института истории Академии наук Узбекистана Р.Н. Шигабдиновым в фонде Народного комиссариата просвещения Узбекской ССР хранящемся в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан. Состоящее из десяти страниц, написанных в арабской графике, письмо было отправлено из Берлина 9 марта 1925 года на имя председателя Института просвещения Узбекистана («Узбекистон билим юрти») А.А. Абдужабарова для последующей его передачи историку Пулату Салиеву (в тексте

Бик Булату Соли-огли – В.Г.)⁸.

Р.Н. Шигабдинов отмечает, что о существовании данного письма было известно, но только по косвенным данным. Так, в статье узбекистанского исследователя В.А. Германова читаем: «В 1930 году будет перехвачено письмо, написанное Ахмедом Заки Валидовым, посланное им из Берлина, в котором тот просил сообщить о возможности издания и распространения в Самарканде написанной им «Истории Туркестана»⁹.

«Следует, однако, подчеркнуть, – Р.Н. Шигабдинов продолжает, – что само письмо А. Валиди было написано и отправлено в 1925 г., во время его пребывания в Берлине, что однозначно подтверждается не только датировкой, но и самим текстом. В.А. Германов не исключает, что оно попало в руки карательных органов лишь в – 1930 г., или ему решили дать ход в нужный момент и держали до поры в качестве убедительного козыря. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что чекисты просто переделали дату написания письма в целях создания, сценария обвинения и усугубления вины П. Салиева. Но это предположения. Возможно, что имеется в виду и другое письмо»¹⁰.

Первоначальное знакомство А.З. Валиди Тогана (тогда ещё А.З. Валидова) с П. Салиевым состоялось в 1913 г., когда А.З. Валидов совершил свою первую научную поездку в Туркестан. Об этом он упоминает и в своих «Воспоминаниях»: «... во время путешествия я обрел много новых друзей среди образованных людей в Ташкенте, Фергане, Самарканде и Бухаре. Так я познакомился... с историком Пулатом Сали»¹¹.

Письмо, содержащее факты биографического характера, позволяет составить представление о настроении известного ученого и политика, оказавшегося отлученным от страны коммунистическим режимом и ставшего политическим эмигрантом. И хотя библиотеки Европы, по словам А. Валиди, были «полны до отказа неизданными древними сочинениями», представляя по этой причине огромный интерес для ученого-востоковеда, тем не менее, в письме отчетливо звучит грустный лейтмотив, обусловленный тем, что А. Валиди был лишён возможности публиковать результаты проведённых им исследований. Его труды в эмиграции тогда оставались невостребованными.

Вот почему он, обращаясь к П. Салиеву, связанному с «Узбекским научным обществом», в надежде на то, что тот окажет содействие в издании хотя бы некоторых из его работ. Среди них Валиди называет «Краткую географическую историю Туркестана» в 4 томах (том состоял из 300–400 страниц) и «К вопросу об этническом составе домонгольских тюркских племен Туркестана».

Обращаясь к коллеге, Валиди не мог не затронуть и сугубо научные проблемы. Письмо, в котором он излагает интересные и своеобразные гипотезы по тем или иным аспектам истории тюркских народов, представляет собой целостный набросок научно-исследовательской программы по истории Средней Азии.

Подвергая конструктивному научному анализу произведения ряда европейских ученых, в том числе и академика В.В. Бартольда, А. Валиди обращает внимание на недооценку ими тюркского фактора в развитии цивилизации в Средней Азии, начиная с древнего времени. Недооценка, по его мнению, была обусловлена тем, что исламские источники использовались «весьма пристрастно и ущербно». Он справедливо отмечает, что ни один из этих ученых «не бывал среди народа, не изучал географические названия, переходя от кишлака к кишлаку». Учёная полемика с В.В. Бартольдом и другими учёными – яркое свидетельство его объективного подхода к изучению весьма непростой истории Средней Азии, но которая отнюдь не превращает А. Валиди в их личного противника. Во время пребывания в 1926 г. В.В. Бартольда в Стамбуле А.З. Валиди Тоган неотлучно находился с ним, помогая в переводе лекций В.В. Бартольда, читанных им в Тюркологическом институте.

В Центральном государственном архиве Республики Узбекистан Р. Шигабдиновым обнаружено также благожелательное ответное послание от председателя Узбекского академического центра А. Абдужаббарова на имя А. Валиди, в котором, в частности, отмечается: «1) Путь всякого серьезного востоковеда тернист, и работа по специальности редко дает ему материальное обеспечение, почему без поддержки заинтересованных учреждений всякая серьезная востоковедная работа почти невозможна, 2) вопросы истории Узбекистана да и Средней Азии вообще, пока еще, освещены весьма слабо, в связи с чем УзАкЦентр обещает Вам всемерную поддержку в напечатании Ваших трудов»¹².

Между тем известно, что в эпоху СССР труды А. Валиди вскоре стали замалчиваться или подвергаться пристрастной ненаучной критике.

IV. ПУЛАТ САЛИЕВ – РУПОР ТУРКЕСТАНСКОЙ АВТОНОМИИ

Л.А. Азиз-заде, старший научный сотрудник Института востоковедения Академии наук Узбекистана, оставил о П. Салиеве скудные воспоминания: «Я знал Пулата Салиева с 1916 года. Весной 1916 года в доме Мирвафобая, махалле "Мерганча" – Шайховандтахуре открылись трёхмесячные курсы по подготовке учителей, где первый урок по истории провел Пулат Салиев.

На этих курсах учились Маннан Маджиди (уйгур), Абдулхай Таджиев, педагог Лутфулла Насыров, ... и другие... Пулат Салиев был человеком огромной эрудиции, в совершенстве владеющим арабским, персидским, русским, узбекским, таджикским и казахским языками, он не любил многословия, отличался большой выдержкой и скромностью...¹³

Дочь профессора Салиева – Фарида Пулатовна рассказывала мне, что Февраль 1917 г. он встретил с большой надеждой и вскоре выехал в Санкт-Петербург на встречу с возглавившим Временное правительство России А.Ф. Керенским, которого знал по Туркестану, был им принят и вернулся в Ташкент окрылённый¹⁴.

Российский премьер обещал всемерное содействие при осуществлении в жизнь беспрецедентно широкой программы народного образования среди коренного населения Средней Азии.

В это же время П. Салиев вместе с другими представителями демократически настроенных национальных интеллектуалов, демонстрируя лояльность Временному правительству, активно обсуждает вопрос о будущем государственном устройстве Туркестанского края. Высказываются самые разные точки зрения. Проблема Автономии стала основным предметом дискуссий.

Пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики провозгласили, что «мощью революции» охраняются права всех народов России. Однако национальная политика в реальности, проводившаяся

правительством, избранным на III Краевом съезде Советов Туркестанского края не устраивала большинство коренного мусульманского населения, в нём совершенно не представленного. Совершенно иная задача была поставлена на проходившем 27 ноября 1917 г. в Коканде IV Краевом чрезвычайном мусульманском съезде, где была провозглашена идея создания территориально Автономного Туркестана в единении с Федеративной Российской Республикой.

П. Салиев принимал участие в формировании в Коканде нового государственного образования – «Туркистон Мухторияти» («Туркестанская автономия»). Войдя в состав членов Туркестанского временного совета и Туркестанского народного (национального) собрания, из которых должно было быть сформировано правительство, а также являясь главным редактором газеты «Эль байроги» («Знамя отчизны»), издававшейся Кокандским городским книжным магазином «Гайрат», он позднее активно содействовал преобразованию этой газеты в печатный орган автономного правительства Туркестана. Однако после выпуска 20-ти номеров эта газета перестала существовать. П. Салиев примыкал к части демократически настроенных интеллектуалов, которой удалось добиться включения в программные документы идей пропорционального представительства в органах государственной власти крупнейших этнических групп. Следует отметить, что на всём протяжении существования Туркестанской автономии шла ожесточённая борьба между консерваторами – кадемистами во главе с Шерали Лапиным и сторонниками радикальных реформ, среди которых был и Пулат Салиев и активный деятель «Туркистон Мухторияти», его друг и сокурсник по учёбе в медресе Галие Хади Файзи.

Сегодня, переосмысливая собранный исторический материал, есть все основания утверждать, что причина гибели Туркестанской автономии заключается в том, что естественная тяга общественности Средней Азии создать свою национальную государственность стала разменной монетой в циничной игре различных политических авантюристов, боровшихся за утверждение личной власти. Впоследствии это станет ясно и П. Салиеву.

Вихри сложнейших политических амбиций, кружившихся над Средней Азией, не могли не погубить этот во многом еще наивный и утопический проект государственного образования. Более того, всё

это, в конечном счёте, предопределил гибель и самого П. Салиева. Ну, а в то время, он был полон надежд и оптимизма. Возглавляемая им газета «Эль байроги» публиковала «Обращение правительства Туркестанской автономии». В «Обращении» утверждалось, что «политая потоками человеческой крови земля вопиет к небесам о мире, и уставшее человечество в бессилии опускает свой меч... а людское безумие уступает место божественному разуму...». Мог ли П. Салиев предвидеть, что как у лидеров Туркестанской автономии, так и у их оппонентов не достанет этого самого «божественного разума»? И всё закончится кровавым хаосом? Более того, спустя много лет, вспоминая это время, он сам про себя скажет, что «он в то время был сумасшедшим»¹⁵.

Состоявшийся во второй половине апреля 1918 г. V съезд Советов Туркестана, на котором была провозглашена Туркестанская Республика, даровал полную амнистию лицам, участвовавшим в буржуазно-автономном движении в Туркестане и ранее объявленным этого вне закона. Впоследствии они даже внешне привлекались к строительству новой государственности и участвовали в политической деятельности. Но пройдёт время, и П. Салиеву, как и многим другим деятелям Туркестанской автономии, придётся дорого заплатить за участие в этом движении.

V. КРУШЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ. ВНУТРЕННЯЯ ЭМИГРАЦИЯ

После разгрома Туркестанской автономии П. Салиев отошёл от политической деятельности и стал работать в учреждениях Народного комиссариата просвещения – сначала Туркестанской Республики, затем Узбекской Республики. В 1918 году он продолжает просветительскую и педагогическую деятельность. Организует совместно с Назиром Тюракуловым курсы по подготовке учителей для сельских школ в городе Фергане (тогда город Скобелев). В ноябре того же года участвует в организации и становится первым директором Кокандского Народного университета для подготовки учителей из местных национальностей. С начала 1919 года он постоянно проживал в Фергане, где являлся членом редколлегии газеты «Новый Восток». Со второй половине 1919 года П. Салиев стал в Ташкенте

организатором и первым директором Тюрко-татарского (с 1921 года Узбекского) Института просвещения. Ведя преподавание на различных курсах и рабочих факультетах, он также являлся членом редколлегии журнала «Тонг», а позднее становился ответственным секретарём журнала «Инкилоб», писал статьи в газеты и журналы, печатался в журнале «Агитпроп»¹⁶.

В те же годы он совершая научные экспедиции по изучению, этнографии, экономики, социального быта населения Средней Азии. В 1920 г. в самый разгар классовых битв П. Салиев опубликовал книгу «Индия под игом Англии», поднимая вопрос о национально-освободительной борьбе.

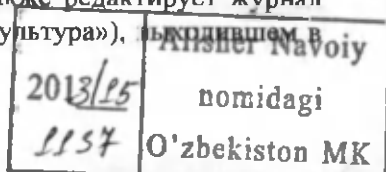
Близким окружением П. Салиева остаётся передовая интеллектуальная элита Абдурауф Фитрат, Назир Тюракулов, Садриддин Айни, Абдулла Биги, Ашурали Захири, Гази Алим, Хади Файзи, Абдулла Кадири и другие. Его статьи, публиковавшиеся в местной печати, выходили в ту пору под инициалами «ПС».

В сентябре 1920 г. произошёл военно-революционный переворот в Бухаре, а в октябре того же года I Всебухарский курултай народных представителей провозгласил создание Бухарской Народной Советской Республики. Примечательно, что в одном из первых постановлений Бухарского правительства упоминалось и имя П. Салиева. Так, 11 ноября 1920 г. Назират народного просвещения БНСР постановил издать «Историю революции в Бухаре», в связи с чем был утверждён и состав авторов, в который вошли Садриддин Айни, П. Салиев и другие¹⁷.

Замысел этот, т.е. создание «Истории революции в Бухаре» в какой-то степени удалось осуществить Садриддину Айни и Файзулле Ходжаеву, между которыми сразу же обозначился различный подход к ряду позиций.

* * *

С 1922 г. П. Салиев – председатель Научного Совета (Академического) центра Народного Назирата Просвещения Бухарской Народной Советской Республики, одновременно читает лекции в Учительском институте по истории арабской литературы и по теории и практике арабского языка. Он также редактирует журнал «Маориф ва маданият» («Просвещение и культура»),

1923–1924 годах в Бухарской республике на узбекском языке в арабской графике.

Бухарский период творчества историка П. Салиева связан с интенсивным изучением им прошлого этого одного из любопытнейших и малоисследованных среднеазиатских государств. Появляются и переиздаются такие его труды, как «Бухара в эпоху мангытской династии. Исторический очерк» (публиковалась дважды в 1920 и 1926 гг.) и «История Бухары» (вышла в свет в 1923 г.). Здесь, в Бухаре, П. Салиеву, кажется, сама судьба преподносит уникальный подарок, о котором может мечтать историк. Он получает редкую возможность одним из первых работать с архивом и в богатейшей библиотеке бухарских эмиров. Позднее он вместе с Абдуррауфом Фитратом и Лутфуллой Аляви войдёт в число тех, кому будет поручен разбор этого архива и этой библиотеки, и их подготовка для передачи в научно-исследовательский институт. Журнал "Инкилоб" в одном из своих номеров напечатает отчёт о разборе этих древних архиво- и книгохранилищ. В 1921-1922 годах Салиев исследовал, главным образом, исторические сочинения, написанные на арабском и персидско-таджикском языках, хранившиеся в то время в Бухаре.

В августе 1924 г. Назират народного просвещения Бухарской республики командировывает П. Салиева в Москву в качестве преподавателя в Бухарский Дом просвещения. С конца 1924 года он работает здесь же научным сотрудником в Среднеазиатской секции Центрального издательства народов СССР. Параллельно он посещает занятия в Институте Красной профессуры, который заканчивает в 1926 году вольным слушателем. Одновременно П. Салиев посещал лекции в Коммунистическом Университете им. Свердлова.

Среди материалов и бумаг, связанных с деятельностью Полномочного представителя ОГПУ в Средней Азии, мной было обнаружены два любопытных агентурных донесения, входящих в специально составленный меморандум по органам Народного комиссариата просвещения Узбекской ССР Узбекскому Государственному издательству и Академическому центру. Эти документы свидетельствуют, что чекисты не выпускали из своего поля зрения оппозиционно настроенного историка и в 20-е годы. Так, в донесении секретного сотрудника ГПУ Узбекистана действовавшим под «малокультурным» псевдонимом «Культурник», датированном 22 января 1926 г.,

сообщалось: «В Самарканд 17-го сего числа прибыл известный писатель Булат Салиев [уроженец гор. Аулие-Ата] (так, неверно указано в документе – В.Г.). Причиной остановки здесь является заключение договора с Ак{адемическим}центром Н{ародного} К{омиссариата} П{росвещения} на составление книги «История узбекского народа». Конспект им уже приготовлен и по получении от Н{ародного} К{омиссариата} П{росвещения} 50% задатка выедет в Бухару по сбору исторических материалов. В Самарканде остановился у секретаря журнала «Учитель и просвещение» Субаева Махмуда; бывает у Чулпана, В. Махмудова, Ильбека, Аляви, беседуя с ними по сути конспекта, намеченной им к составлению книги»¹⁸.

Второй любопытный документ, представляющий собой агентурное донесение секретного сотрудника под псевдонимом «Бывший», датирован 23 сентября 1926 г., проливающий некоторый свет на московскую жизнь историка. П. Салиев разговаривал со своим, не известным нам по понятным причинам собеседником, не подозревая, что тот является осведомителем. Приведём полностью текст документа от 23 сентября 1926 г.

«Пулат Салиев в разговоре 20/IX сообщил, что его нахождение в Москве было кстати, ибо во время дискуссии мог тоже попасть в переделку с причислением к «старым {джадидам}», а это довело бы его до нищенства в материальном отношении. Сейчас положение его обеспеченное: учится в Москве в Институте красной профессуры, из Ак{адемического} центра взял заказ на составление исторического произведения, берет научно-литературные переводы и у Уз{бекского} Г{осударственного} И{здательства}, также у издательства «Народы Востока», и если к этому прибавить еще пенсию, получаемую из Узбекистана, то ежемесячный заработок составляет минимум триста рублей, В мае 1927 года Салиев полагает возвратиться из Москвы в Узбекистан со званием профессора, надеясь этим укоротить направленные против него языки левых коммунистов. В Москве он получает хорошую поддержку от Тюракулова и Рыскулова. Салиев заключает договор с Ак{адемическим}центром Н{ародного} К{омиссариата} П{росвещения}, по коему он к 1-му сентября 1927 года должен подготовить материалы по «Истории узбеков» в размере десяти печатных листов с освещением этапов экономическо-хозяйственного и культурного развития узбеков.

Автор надеется, что эта книга станет известной всему научному миру, тогда упреки русских историков об отсталости узбеков окажутся пустыми словами.

Ввиду окончания бюджетного года, Ак{адемический} центр Н{ародного} К{омиссариата} П{росвещения} обещает из аванса пятьсот рублей выдать только сто, а остальные переведёт в Москву, куда он тоже надеется прибыть не позднее 5/X-26 г., оставивши своё намерение о поездке в Бухару, так как сумеет посоветоваться с Фитратом в Москве, причиной же этой необходимости Салиевым выдвигается желание ознакомления с конспектом приготавливаемой книги Фитрата «История узбекской литературы», на которую последний тоже заключил договор с Ак{адемическим} центром.

По мнению Салиева, как его труд, так и труд Фитрата взаимно должны дополнять друг друга особенно не должно быть расхождения по линии идеологической»¹⁹.

VI. ПЕРВЫЙ ПРОФЕССОР ИСТОРИИ

В 1926 г. П. Салиев был временно отозван из Москвы в Узбекистан для сбора древних рукописей и создания фонда рукописных памятников Средней Азии.

Командированный в Москву из Бухарской республики, Салиев в 1927 г. окончательно возвратился в Узбекистан, но не в Бухару, а в Самарканд²⁰, в чём своя логика. Так, за время его деятельности и учёбы в Москве в Средней Азии после национально-государственного размежевания возникают новые государства, среди которых и Узбекистан, столицей которого стал Самарканд. Новая столица быстро превратилась в крупный промышленный и культурный центр. Согласно переписи 1923 года численность населения Самарканда составляла 71,3 тысяч человек, достигнув в 1926 году более 105 тысячи человек, от общего числа которых европейцы составляли чуть более четверти.

До 1927 г. единственный высшим учебным заведением в Узбекистане, готовившем педагогические кадры, был Среднеазиатский государственный университет, который не мог удовлетворить растущие потребности школ в педагогах. П. Салиев знал, что в Узбеки-

стане назревает вопрос об организации столичного педагогического вуза. Роль такого высшего учебного заведения сыграл Самаркандский высший педагогический институт, открытый в январе 1927 г., преподавателем которого почти одновременно становится П. Салиев. В апреле 1928 года по ходатайству известного среднеазиатского археолога В.Л. Вяткина и П.М. Салиева в институте был открыт кабинет истории Востока. Пулат Маджитович Салиев назначается заведующим кабинетом, который вскоре превращается в место теоретических споров по методологии истории, археологии и литературы народов Средней Азии.

В своих воспоминаниях известный узбекский учёный-археолог, создатель Узбекской школы археологии, академик Академии наук Узбекистана Я.Г. Гулямов отмечал: «Я был его временно исполнявший делами ассистента по Кабинету Средней Азии в институте, аспирантом научно-исследовательского института при С{овете} Н{ародных} К{омиссаров} УзССР и его сотрудником по сбору исторических документов в Ферганской долине в 1930 г. Он любил спорить со мной по теоретическим вопросам, иногда его раздражали мои несовершенные и вздорные подходы к вопросу... особенно он обращал внимание историков Самарканда к материалам исторических дискуссий в Москве – «Проблемы механической тенденции в исторической науке», в Баку – «Об азиатском способе производства»²¹.

В 1928 и 1929 гг. П. Салиев, заведывая кабинетом истории Средней Азии, одновременно был доцентом истории Узбекистана. В 1930 г. Высший педагогический институт был реорганизован в Узбекскую государственную педагогическую академию, на которую возлагалась задача подготовки педагогических кадров для рабфаков и техникумов республики по общеобразовательным дисциплинам, а также преподавателей педагогики. 28 сентября того же года приказом по Узбекской государственной педагогической академии П. Салиев зачисляется профессором. В целях развёртывания научно-исследовательской работы и подготовки кадров для высшей школы в январе 1931 года при академии учреждается аспирантура.

VII. НАД ВОСТОЧНЫМИ РУКОПИСЯМИ. НА ПУТИ К АКАДЕМИИ

В феврале 1930 г. на основе хранилища восточных рукописей в Самарканде был создан Узбекский государственный научно-исследовательский институт при Совете народных комиссаров Узбекистана, сокращённо УзГНИИ, в составе которого была создана кафедра истории Востока, система аспирантуры. Немало на это было положено и трудов П. Салиева. В библиотеке УзГНИИ имелось также отделение восточных рукописей. В 1933 г. началась централизованная научная работа по составлению их каталогов. Поэтому все рукописные Фонды УзГНИИ были перевезены в Ташкент в Государственную публичную библиотеку.

Этому способствовали специальное постановление СНК Узбекистана от 25 апреля 1933 г., «Об объединении республиканских рукописных фондов», а также объявление Государственной публичной библиотеки в Ташкенте центральным хранилищем восточных рукописей. В 1935 г. в ней было сосредоточено свыше 4 тысячи восточных рукописей с 10 тысячами названий. П. Салиев гордился тем и часто о том говорил, что многие учёные мира всю первую половину XI века в истории мировой науки называют эпохой Беруни. Деятельность Беруни проходила вначале в Академии Мамуна в Хорезме, и П. Салиев надеялся дожить до времени, когда Узбекистан вновь обретёт свою Академию. Поэтому его, критически относившегося к организации науки в тоталитарном обществе, отчасти утешило создание в 1930 г. при Госплане СССР Секции науки, занимающейся планированием научно-исследовательской работы. Надежду вселяло и образование 4 октября 1932 года Президиумом Центрального Исполнительного Комитета Узбекской ССР Республиканского комитета по руководству научно-исследовательскими учреждениями. Под эгидой Комитета предполагалось осуществление координационной работы по отраслям научных знаний и придание всей научно-исследовательской работе в Узбекистане планового характера. П. Салиев не без основания полагал, что это шаг на пути к созданию национальной Академии наук.

И это действительно было так. В начале января 1940 г. на базе Комитета наук при Совете Народных Комиссаров Узбекской ССР

был открыт Узбекский Филиал Академии наук СССР, или сокращённо УзФАН. Одновременно был создан Институт языка, литературы и истории. В сентябре 1943 года возникла Академия наук Узбекистана. Но Пулату Салиеву не довелось стать академиком. Но его ученики академиками стали, они и продолжили начатое им дело.

VIII. ПЕРВАЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ КАФЕДРА ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Важным событием в истории Узбекистана и в жизни П. Салиева стало преобразование в 1933 г. на основе постановления правительства республики Узбекской педагогической академии в Узбекский государственный университет. В 1935 году из семи его факультетов наиболее полно научно-педагогическими кадрами был укомплектован лишь исторический факультет. В 1934 году в Самаркандском Государственном университете были развёрнуты исторические специальности на всех пяти его курсах. Тем не менее, преподавательский корпус еще не обеспечивал осуществления учебного плана. В Университете не было специалистов историков по средним и новым векам, отечественной истории, истории колониальных и зависимых стран²².

На кафедрах исторического факультета СамГУ вместе с Пулатом Салиевым читали лекции профессора А.М. Красноусов, С.А. Лясковский, С.В. Юшков, А.Б. Козырев, Д.А. Жаринов, М.Я. Феноменов, А.А. Макиев, А. Фитрат, А. Хашимов и другие.

В сентябре 1935 г. в Узбекском государственном университете открылась первая в истории Средней Азии кафедра истории Средней Азии, на организацию которой П. Салиевым было положено много сил.

И ему суждено стать первым заведующим кафедрой истории Средней Азии.

Время сохранило для нас несколько приказов, изданных по Самаркандскому (Узбекскому) Государственному университету, по которым мы можем судить о его деятельности в стенах этого высшего учебного заведения. Они представляют тем большую ценность, ибо сегодня приходится возвращать творческую биографию учёного

из забвения или скупой полуправды.

Листая немногие странички, читаем:

Приказом №82 §1 от 3 июля 1935 года профессор П. Салиев за хорошую работу по подготовке кадров премирован.

Приказом №83 §1 от 28 июня 1936 г. профессору П. Салиеву объявлена благодарность за активное участие в учебной и научно-исследовательской работе университета.

Приказом №144 §7 от 26 октября 1936 года профессору П. Салиеву с 1.IX.36 года установить персональную профессорскую ставку.

И, наконец, уже не первый, но грозный признак неминуемости ареста:

Приказом №136 §9 от 7 сентября 1937 года профессор Пулат Салиев освобожден от работы на Историческом факультете УзГУ за неимением нагрузки²³.

IX. В ДОМЕ НА НАБЕРЕЖНОЙ

В 1932-1933 гг. П. Салиев был откомандирован в Ташкент в Узбекский научно-исследовательский Институт истории революции. Правительством республики принято решение написать историю Узбекистана с древнейших времён до современности. П. Салиеву отводится в этом замысле одна из главных ролей.

В 1936 г. учёный окончательно переехал в Ташкент, поскольку основным местом его работы стал Комитет наук, учреждённый в 1932 г. при ЦИКе Узбекистана, затем переданный в ведение СНК Узбекистана, где он возглавляет секцию истории Узбекистана. Однако почти до самого его ареста осенью 1937 года, П. Салиев продолжал читать лекции в высших учебных заведениях не только Ташкента, но Самарканда и Ферганы²⁴.

Казалось, что всё обойдётся. Как прежде.

Переехав по предложению правительства Узбекистана в Ташкент, П. Салиев получил со своей большой семьёй большую четырехкомнатную квартиру в Доме специалистов на набережной Анхора

по улице 9 января (переименована на улицу Тураба Тулы), дом №18, квартира №33. Завершение строительства Дома совпало с переездом профессора в Ташкент. Квартиры в нём были заселены людьми с известными в Узбекистане именами. Соседом профессора П.М. Салиева по площадке на первом этаже стал известный археолог профессор М.Е. Массон. Двери, которых были друг против друга.

Проявляя заботу о высококвалифицированных специалистах, удобно расселив их вместе, власти преследовали и иную скрытную цель. Ведь за компактно поселенными людьми с громкими фамилиями было легче осуществлять тайную слежку и надзор. Работники домоуправления, честно отработывали два оклада, совмещая штатную профессию со службой в качестве секретных сотрудников НКВД.

Вслед за Домом на набережной Анхора рядом вскоре был построен его близнец, предназначенный для работников НКВД Узбекистана.

Профессор П. Салиев с грустью вспоминал собственный дом в Самарканде, в котором его семья проживала до 1936 года. В связи с переездом в Ташкент свой дом учёный безвозмездно оставил городу Самарканду. Дом состоял из двух больших комнат, соединённых между собой широким коридором. Двор был большой. Украшением и гордостью самаркандского дома был большой сад, в котором имелось множество фруктовых деревьев, диковинных растений и цветов. Половину сада занимали различных сортов розы. Здесь же произрастали ели. Сам учёный любил ухаживать за садом. Здесь цвели и плодоносили неведомые самаркандцам экзотические деревья. Друзья и знакомые, зная давнюю слабость профессора, отовсюду привозили ему редкостные саженцы. Семья жила скромно, из мебели в доме имелись лишь кровати, столы и небольшой шкаф (горка), а также большой сундук жены профессора Фатимы Зарифуллаевны. Самой большой ценностью в доме была библиотека с редчайшими древними рукописями на многих восточных языках и целые свитки документов. Имелись также книги на европейских языках. Свою библиотеку П. Салиев собирал на протяжении всей жизни.

* * *

25 мая 1937 г. в Самарканде открылся I съезд учёных Узбекистана. Газета «Правда Востока» от 27 мая 1937 г. опубликовала приветственную речь к его участникам председателя Совнаркома Узбекистана Файзуллы Ходжаева, обращённую к учёным республики, а также к гостям из Москвы и Ленинграда (ныне Санкт-Петербурга). На съезд были приглашены такие известные учёные, как Т. Кары-Ниязов, С. Айни, И. Муминов, П. Иванов и другие. В числе исследователей, выступивших на съезде по секции истории и археологии, были С.А. Асфендиаров с докладом «К вопросу о происхождении узбеков и казахов», П.М. Салиев с докладом «О земельно-водных отношениях и крепостничестве в Ферганской долине», Х. Хамраев с докладом «Положение рабов в Бухарском ханстве в XVIII-XIX вв.», П.П. Иванов с докладом «К вопросу о социально-экономическом характере Узбекистана», Алимов с докладом «Социально-экономическая характеристика Узбекистана в 50-60-х гг. XIX в.», З.Д. Кастельская с докладом «Аграрная политика царизма в Узбекистане», З.Г. Гимадиев с докладом «Об итогах и перспективах научно-исследовательской работы по разработке вопросов истории Узбекистана»²⁵.

Х. ПРОТИВНИК РЕЖИМА, ИЛИ НЕВИННАЯ ЖЕРТВА?

13 октября 1937 г. сотруднику Управления госбезопасности НКВД Узбекистана Махмуду Гайнетдинову был выдан ордер на право обыска и ареста гражданина П. Салиева, проживающего в Доме специалистов. Обыск и арест были произведены в присутствии двух понятых: управдома и соседа П. Салиева, известного художника О.К. Татевосяна. В квартире сургучом была запечатана комната, в которой хранились библиотека и личный архив учёного²⁶.

Что же послужило истинной причиной ареста П. Салиева? Был ли он необоснованно репрессирован? Стал ли жертвой оговора в то время, когда уже являлся убеждённым сторонником строительства коммунизма и мировой революции, как это в период реабилитации учёного пытались представить его ученики? Был ли он политически индифферентен, или же явно или тайно противился марксистскому учению, считая его, утопией?

Ответить на эти вопросы можно лишь на основе проведения

скрупулезного анализа его неосторожных откровений в кругу друзей, зафиксированных агентами ОГПУ, внедрёнными в круги интеллектуалов, и эзоповских высказываний, закодированных в его произведениях, изданных на староузбекском языке в арабской графике. Прочсть их, а уж тем более уловить эзотерический смысл, могли лишь некоторые знатоки языка и истории да немногие российские и зарубежные ориенталисты.

Имелись ли формальные причины для ареста учёного? Факты, которыми сегодня я располагаю, говорят: да, были. Его порой неосторожные высказывания среди людей, которым он опрометчиво доверял и даже считал близкими себе по мировоззрению, на деле же оказавшимися секретными сотрудниками, становились известными карательным органам. Такого рода высказывания и взгляды никак не убеждают в том, что Пулат Салиев в 20-е или даже 30-е годы XX столетия принял марксистскую платформу.

XI. ЦЕНА БИБЛИОТЕКИ

Незадолго до ареста в жизни П. Салиева произошёл эпизод, наиболее ярко высветивший его истинную суть. И не только его. В июне 1937 года, чувствуя, что над его головой собираются тучи, он бесстрашно занялся спасением уникальной библиотеки, собранной знатоком архитектуры и письменной старины, старожилом Бухары Мусаджаном Саиджановым. Владелец библиотеки был известным младобухарцем, занимавшим высокие государственные посты в Бухарской республике, а впоследствии работавшим директором Самаркандского историко-краеведческого музея. Незадолго до этого (13 апреля 1937 г.) М. Саиджанов был арестован в Ташкенте органами НКВД «за контрреволюционную деятельность».

В постановлении об аресте с производством обыска по месту жительства, утверждённом народным комиссаром внутренних дел Узбекской ССР старшим майором государственной безопасности Загвоздиным, в частности, отмечалось: «Сержант госбезопасности Акужигитов, рассмотрев материал о Саиджанове Мусаджане и, принимая во внимание, что Саиджанов Мусаджан в период существования Бухарской Народной Советской Республики являлся членом ЦК

Бухарской контрреволюционной националистической организации «Милли Иттихад», вел активную борьбу против сов. {етской} власти с целью создания на территории Бухары буржуазно-национальной республики, руководя вооруженными кадрами по организации захвата власти в БНСР членами контрреволюционной организации, контактированием к. {онтр}-р. {еволюционной} работы, организации с Центральным комитетом Среднеазиатской националистической контрреволюционной организации «Милли Иттихад», активно участвовал в подготовке создания на территории Восточной Бухары басмаческо-повстанческих банд, поддерживал по поручению организации связь с известными контрреволюционерами и агентами иностранных разведок – Заки Валиди и Амиджаном Идриси»²⁷.

Обременённый большой семьёй и постоянно стеснённый материально, П. Салиев не мог приобрести библиотеку в личную собственность и поэтому он решил убедить руководство УзГУ выкупить её у семьи репрессированного. Приглашая доцентов исторического факультета УзГУ Абдурахмана Хамраева и Кадыра Усманова посетить семью их арестованного коллеги для осмотра библиотеки, он уговаривал поддержать его инициативу с покупкой этих книг. Напуганные политическими репрессиями, доценты историки (шёл 1937 год) категорически отказались участвовать в этом, выдвинув мотивировку, что без разрешения НКВД невозможно выкупить библиотеку М. Саиджанова.

По-человечески можно понять университетских преподавателей, вынужденных поступить в той страшной обстановке именно так, не все были готовы рисковать не только собой, но и своими семьями.

Тогда Салиев сделал попытку обратиться к их человеческому милосердию. Он убеждал, что:

– Библиотеку его нужно обязательно купить, так как он сам арестован, а семья у него очень большая, имеются малые дети, нужно оказать ему материальную помощь²⁸. Но и этот аргумент профессора Салиева не возымел ни малейшего успеха.

После этого он лично отправился добиваться разрешения к своему ученику декану исторического факультета УзГУ И. Муминову и ректору УзГУ Файзуллаеву. Но и руководство университета не осмелилось по понятным причинам позволить себе выкупить уни-

кальную библиотеку всего за 6 тысяч рублей. Ведь это была библиотека «контрреволюционера» и это могло быть, в лучшем случае, истолковано так, что кто-то стремится обеспечить семью Саиджанова, то есть семью «врага народа»²⁹. Ну, а в худшем случае данное действие могло быть квалифицировано, как желание приобрести идеологически вредную контрреволюционную литературу.

Скорее, наоборот, в целях сохранения уникальной библиотеки не стоило в тех условиях вообще привлекать к ней какое-либо внимание. И, наверное, единственно верный в тех условиях путь избрал дальновидный Ибрагим Муминов, когда вслед за П. Салиевым постарался свести это лишь к желанию оказать материальную помощь семье М. Саиджанова, обусловленную отнюдь не политическими, а экономическими, то есть внешне понятными и объяснимыми, для усредненного чекистского менталитета причинами.

В 1956 г., когда была осуществлена реабилитация Пулата Салиева, вызванный для дачи объяснений по этому поводу в КГБ Узбекистана директор Института истории и археологии АН Узбекистана И. Муминов, лишь повторил:

– При допросе меня в 1937 году, я показал, что Салиев Пулат предлагал купить для УзГУ библиотеку арестованного органами НКВД Саиджанова... библиотеку Саиджанова мы не купили. Салиев Пулат неоднократно поднимал этот вопрос ... лично у меня, как и у ректората, сложилось мнение, что покупкой библиотеки Салиев хочет оказать материальную помощь семье арестованного...³⁰

О том, что собой представляла библиотека М. Саиджанова и насколько невосполнима была бы для науки её утрата, становится ясным из воспоминаний историка, крупного специалиста по актовым источникам О.Д. Чехович, ученицы А.А. Семёнова. Она обратила внимание своего наставника на эту уникальную коллекцию книг спустя 13 лет после неудавшейся попытки П. Салиева. Позже О.Д. Чехович вспоминала: «Надо отметить активное участие А.А. {Семёнова} в собирании не только рукописей книг, но и документов. Яркий пример – приобретение коллекции М. Саиджанова. Это было летом 1950 года. О.А. Сухарева показала мне в Бухаре дом, где, по её словам, имелись какие-то старые книги. Оказалось – потрясающая коллекция подлинников XV-XVIII вв. А.А. Семёнов был знатоком и сразу понял ценность привезённого мною (вместе с потомком Саид-

жанова). Он отложил в сторону все свои дела, немедленно уселся и лично просмотрел всю коллекцию. Так как её стоимость не укладывалась в рамки бюджета Института востоковедения, А.А. {Семёнов} тотчас же отправился в Президиум АН Узбекистана и рассказал лично президенту об этой находке и добился выделения специальной суммы. Только благодаря высокой степени понимания и влиятельности А.А. {Семёнова} мы тогда смогли купить всю коллекцию»³¹.

Доктор философских наук, вдумчивый и скрупулёзный исследователь движения младобухарцев Б. Эргашев указывает:

«Чудом сохранившийся до сегодняшнего дня архив Мусы Саиджанова представляет собой бесценное научное достояние. Здесь и документы XV-XIX вв., археологические снимки, конспекты редких исторических книг, переписка с видными учёными, конспиративные младобухарские послания, лекции для студентов... Не всякий, вероятно, сегодня знает, что немало исторических загадок мавзолея Сайфиддина Бохарзи в Бухаре, мавзолея Кучкинчихана в Самарканде раскрыл именно Саиджанов»³².

Профессор П. Салиев знал М. Саиджанова как человека, в своё время окончившего престижное медресе Мир-Араб и европейскую школу в Кагане, умевшего сравнить достижения Востока и Запада, как знатока арабского и персидского языков. Жизнь обоих исследователей была тесно связана с Комитетом по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, сокращённо Узбеккомстарисом. Муса Саиджанов, как и Пулат Салиев, занимался научно-организаторской деятельностью, являлся одним из создателей Бухарского областного краеведческого музея, а после 1925 г. возглавил Самаркандский Комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Первыми среди мусульман они были удостоены звания профессоров, а Муса Саиджанов стал первым среди представителей коренных жителей Узбекистана докладчиком на III международном конгрессе востоковедов, состоявшемся в 1935 г.³³

В молодости профессор Саиджанов также не избежал увлечения политикой: он участник Бухарской революции, народный комиссар, назир государственного контроля, ответственный сотрудник, руководитель органов ЧК Бухарской республики. Но, Мусаджан Саиджанов, как и его ближайший друг Садриддин Айни, оставляет политическое поприще и, вскоре, все убеждаются, что он решил цели-

ком посвятить себя научной деятельности. Более того, являясь в 1920-21 гг. членом большевистской партии, он объявил, что более состоять в ней по религиозным убеждениям считает невозможным и выбывает из её рядов³⁴.

«Созданные им вскоре капитальные труды «Самарканднинг меъморий ёдномалари» («Архитектурные памятники Самарканда»), «Шайх Сайфутдин Бохарзийнинг вакфномаси» («Вакуфные документы шейха Бохарзи»), – свидетельствовала доктор исторических наук Н.С. Садыкова не потеряли своей актуальности и поныне³⁵.

Тем не менее, как явствует из обнаруженных документов, деятельность Мусы Саиджанова еще в 1923 году находилась под неусыпным контролем чекистов. Приведём следующий отрывок из донесения: ... 2) Муса Саиджанов – один из главных руководителей Комитета (имеется в виду «Иттихад Ислам» в Бухарской республике – В.Г.), проявлял активную деятельность во всех отношениях, присутствовал на совещаниях, где выносились постановления о поддержке Энвер-паши и его авантюры... 30 лет, служит в Госконтроле, проживает в старом городе Бухары»³⁶.

Таким образом, одному из первых узбекских профессоров, археологу и историку М. Саиджанову было предъявлено обвинение в том, что поддерживал связь с организаторами басмачества Заки Валиди и Энвер-папой, участвовал в создании Среднеазиатского контрреволюционного центра «Милли Иттихад», ставившего своей задачей свержение советской власти и организацию буржуазного государства³⁷.

П. Салиев не мог, конечно, знать, в чём именно обвинялся Муса Саиджанов весной 1937 г. Но, в то же время, он не мог не понимать, что при таком сходстве их биографий и мировоззрений его, в конечном счёте, постигнет та же участь. Были ли антагонистами складывавшегося политического режима Муса Саиджанов³⁸ и Пулат Салиев? Сопротивлялись ли они тайно или явно? Подвело ли следователей-чекистов их «классовое чутьё»? Думаю, что не во всём, хотя дела учёных «шиты белыми нитками» и составлены с нарушением юридических норм.

ХИ. МЕМОРАНДУМ НА ПРОФЕССОРА САЛИЕВА

Сопrotивление П. Салиева складывающейся обстановке в государстве, равно как и фальсификации исторической науки и наступлению на инакомыслие, несомненно, имело место. Оно проявлялось в тайных мыслях историка, его высказываниях, которыми он делился с немногими. В своих статьях публиковавшихся же в те годы он продолжал благоразумно оставаться на лояльных позициях и, более того, как свидетельствуют его последние работы, внешне демонстрировал усвоение марксистской методологии.

Органы НКВД Узбекистана, начиная с 20-х годов и кончая самим арестом П. Салиева, получали от своих секретных сотрудников, работавших в его окружении, различного рода донесения, сведения, в итоге, в специальный персональный меморандум. Этот своеобразный банк данных о его настроениях, политических взглядах и историческом мировоззрении учёного, представляет собой поистине уникальный по своей информативности источник. Судить о том, что этот документ чекистам не было нужды фальсифицировать, представив самим читателям, приведя далее некоторые выдержки из него.

Но вначале отметим, что интерес в чекистских кругах к П. Салиеву усиливается вскоре после его возвращения из Москвы в Среднюю Азию, поскольку он входил в круг ближайшего окружения Абдурауфа Фитрата — «отца узбекских чагатаистов». Вокруг него группировалась в то время фрондирующая и «неисправимая в идеологическом отношении» интеллигенция, в числе которой были Эльбек, Каюм Рамазани, Гази Алим Юнусов, Шарасул Зунун, Шакирджан Рахими, Бату, Шакир Сулейманов, Санджар Садыков, Ашурали Захири, а также его «правое крыло и правая рука» Пулат Салиев»³⁹.

Пристальный интерес к П. Салиеву во второй половине 20-х годов со стороны чекистов был обусловлен еще и передислокацией на службу в Узбекистан многих бывших оппозиционеров-астраханцев. В 1928 г. в УзГИЗе говорили о возможно скором приезде к ним на работу известного астраханского муллы Абдурахмана Умарова, в прошлом редактора газеты татаро-ногайских джадидов «Идель».

А. Умаров имел близкие связи с руководителями татаробашкирского центра, расположенного в Уфе. Чекистам Узбекистана было поручено отработать версию о том, какая именно роль предназначалась А. Умарову и какое место приготовили для него Хади

Файзи и Пулат Салиев. В НКВД Узбекистана полагали, что члены оппозиционной большевикам организации татаро-ногайцев в годы гражданской войны, действовавшей в пределах Астраханской губернии, постепенно собираются в Среднюю Азию, в частности в Узбекистан. Этой переброской «народов с Запада на Восток», предполагали чекисты, кто-то искусно руководит⁴⁰.

Немногим ранее Пулат Салиев выступил против замены арабской графики и введения нового латинского алфавита. Он открыто поддержал в этом политику Алимджана Ибрагимова, публично высказываясь, о том, что «введение нового алфавита вызывает только смех и ничего не даст, что местные латинисты работают исключительно из желания угодить русским». Привлекла внимание властей и его деятельность в писательском обществе «Кзыл-Калям». О том, каким образом расценивалась деятельность данного общества официальными властями, лучше всего свидетельствует выдержка из докладной записки, составленной Народным Комиссариатом образования Узбекской ССР 10 февраля 1929 года, в которой читаем: «Особо несколько слов нужно сказать об обществе «Кзыл-Калям». Это общество имеет своей задачей – сплочение пролетарских писателей и организацию их. Основная масса его членов – студенты Высше-Педагогического института и преподаватели. Руководят обществом Атаджан Хашимов (председатель), Буюк Каримов (секретарь). Малик Рахманов. Сюда же входят и Фитрат, Булат Салиев и другие видные национальные деятели. Из этого можно заключить о характере и о сущности общества, которое, по сути, группирует вокруг себя националистически настроенную часть студенчества и, втягивая «новичков», перевоспитывает их в своем духе.

На собраниях общества разбираются преимущественно произведения Чулпана, Фитрата и др. видных националов, в которых (т.е. произведениях) в тонко-замаскированном виде (под видом «художественности») преподносится самый откровенный национализм, воспеваются старый разрушающий уклад, скрытые протесты против всего нового, особенно против раскрепощения женщин, и т.п.

По довольно меткому выражению одного из студентов этого общества, «Кзыл-Калям» и по существу является трибуной для Фитрата, Булата Салиева, Чулпана и им подобных, с которой они пропагандируют свои идеи среди студенчества»⁴¹.

ХИ. КОМУ ПЕРЕДАТЬ ЗНАНИЯ?

Летом 1930 г. П. Салиев находился в Фергане. Обстановка в Узбекистане была весьма непростой. В республике прокатилась волна арестов работников Народного комиссариата просвещения Узбекистана, обвинявшихся в национализме. Среди арестованных были руководители Наркомпроса Манон Рамзи и Бату. Сотрудники аппарата Полномочного представительства ОГПУ по Средней Азии и Средазбюро ЦК ВКП (б) в Ташкенте с недоверием относились к руководству ЦК Компартии Узбекистана в Самарканде.

Сентябрь 1930 г. Город Коканд. Среди гостей всеми уважаемого кокандца Аббас Ходжи Каланходжаева появляется перед самой подачей кушанья в сопровождении своего товарища П. Салиев. По времени ему бы уже быть среди своих студентов в Самарканде. Но он туда как раз не спешит. Он в смятении спрашивает собравшихся гостей о положении в тогдашней столице Узбекистана Самарканде, пытается сориентироваться в массе тревожных слухов: положение там крайне обострилось, якобы все видные научные работники арестованы, Фитрат подвергся сильным нападкам, а возможно, арестован. Вадуд Махмуд якобы арестован, а Чулпан под конвоем отправлен в Москву.

Кто-то из гостей Аббас Ходжи Каланходжаева поспешил успокоить П. Салиева: мол, Фитрат не арестован и нет слухов о том, что его арестуют. В ответ Салиев говорит, что хорошо, если Фитрат не арестован, так как он больше всего опасается за Фитрата, ибо ясно, что в случае ареста такого видного деятеля не избежать ареста и остальных. Хозяин дома, успокаивая историка, заметил, что это не верно, никто его не привязывал к хвосту Фитрата, но, в сущности, неожиданно завершил он: каждый более или менее сметливый мусульманин подвергнется аресту.

П. Салиев, грустно усмехаясь, сказал, что нужно, стало быть, отречься от мусульманства, но жаль, слишком поздно, им никто не поверит. Тогда же Каланходжаев сообщил П. Салиеву о том, что Ашурали Захири сидит в одиночке ГПУ, а Лутфуллу Аляви, Абдуллу Рахмата и других перевели в исправдом, а также о слухах, что их всех выплут⁴².

Опасения и дурные предчувствия П. Салиева не были напрасными. Он, конечно, не мог знать этого, но уже в 1930 г. арестованный Ашурали Захири дал следователям-чекистам показания о связях П. Салиева с Заки Валидовым. Кроме того, он показал, что получил для чтения у работавшего в Самаркандском Высшем Педагогическом Институте историка П. Салиева турецкие книги «Малая Азия» (Стамбул, 1921), «Исчезновение старой культуры» (Стамбул, 1924), и «Введение в философию новой природы» (Стамбул, 1924), которые в то время расценивались как «пантюркистская националистическая литература»⁴³.

29 июля 1930 г. Лутфулла Аляви на допросе показал, что в конце декабря прошлого года Абдурауф Фитрат и Пулат Салиев, профессор Самаркандского Высшего Педагогического института, предложили ему перейти к ним в институт на работу в качестве ассистента на кафедру литературы. Они дали понять Аляви, что считают его кандидатуру наиболее подходящей, поскольку ранее выдвинутый на эту должность Яхья Гулямов, так же, по их мнению, весьма достойный этой должности, скомпрометировал себя перед советской властью своим участием в националистической деятельности⁴⁴.

Ещё в конце 1929 г. Лутфулла Аляви вместе с Маном Рамзи участвовал в работе комиссии, в которую входили также А. Фитрат и П. Салиев, по передаче из Бухары в научно-исследовательский институт старинных книг. Тогда он, отметив для себя, что Манон Рамзи нередко уединяется с А. Фитратом, рассказал ему о своих встречах и доверительных беседах и спорах с А. Фитратом и П. Салиевым. М. Рамзи лишь заметил, что А. Фитрат обладает огромными знаниями, и если бы он являлся европейцем, то давно бы стал академиком, и при этом предостерег Л. Аляви, чтобы тот уклонялся от их приглашений в гости.

Далее Аляви подметил, что, как только стала известной его принадлежность к Коммунистической партии, то отношение А. Фитрата и П. Салиева к нему сразу изменилось и ему пришлось отказаться от мысли стать аспирантом в Научно-исследовательском институте⁴⁵.

Мне стало понятно настроение П. Салиева, которое складывалось у него к концу 1930 г., после ознакомления с записью, осуществлённой в тот период осведомителем ГПУ. При одной из бесед П. Салиева со своим знакомым, которому он, очевидно, всецело доверял, учёный посетовал, что среди молодёжи нет никого, кто бы настоящему проявил интерес к истории Средней Азии. «Был единственный человек – Яхья Гулямов, – отмечал далее П. Салиев, – но и он по пустякам, из-за своего духовного происхождения, отец являлся ишаном, затерялся. Но всё же я его хочу взять к себе аспирантом»⁴⁶.

XIV. РАЗМЫШЛЕНИЯ «НА ПУСТОЙ ЖЕЛУДОК» – I

Все эти беседы велись в 1930 г. Тот год был для Средней Азии роковым, миллионы людей во всей стране голодали. Республики Средней Азии, в которых утверждалась хлопковая монокультура, в связи с сокращением посевных площадей под хлеб, оказались в особенно сложном положении. На улицах узбекистанских городов очутились тысячи пришлых голодных людей, преимущественно казахов, у которых был отобран скот. Они умирали прямо на улицах.

«Раз в желудке пусто, – говорил Салиев своему собеседнику, – то и учёбу наладить нельзя... с проведением коллективизации производительные силы упали, раньше ведь это единоличники старались для себя, как подумаешь об этом, так, пожалуй, правые были правы».

В этой связи он припомнил свой давний разговор, произошедший вскоре после октябрьского переворота 1917 г. Тогда он лукаво спросил у собеседника: при социализме останутся те же люди или же они сумеют изменить свою человеческую натуру, указывая при этом на трудности при построении социализма⁴⁷.

XV. РАЗДУМЬЯ ПРОФЕССОРА О МУХАММЕДЕ ЯКУББЕКЕ

Внимательно наблюдая за событиями, происходящими в 1933-34 гг., в Восточном Туркестане и за попытками создания здесь независимого Кашгарского государства, П. Салиев обратился к истории Синьцзяна. Размышляя о судьбе Туркестана – Западного (Средняя

Азия) и Восточного (Синьцзяна), рассечённого, как он считает, Россией и Китаем, П. Салиев увлекается личностью Мухаммеда Якуббека, родившегося в 1820 году в городе Пскенте (Кокандское ханство) в семье мелкого торговца. Женившись на сводной сестре ташкентского бека, Якуббек был назначен им правителем города Чиназа, позднее стал беком города Акмечети. После неудачного заговора, организованного им против кокандского правителя Худояр-хана в 1853 г., бежал в Бухару. В 1858 г., когда Худояр-хан был свергнут, Якуббек вернулся в Коканд, В 1865 г. он был направлен в Кашгар помощником Бузрука-Ходжи – ставленника кокандского хана, возглавившего повстанческие силы в районе Кашгара после народного восстания 1864 г. в Восточном Туркестане, направленного против манчжурско-китайского государства. Сосредоточив в своих руках власть в Кашгаре, Якуббек начал завоевание других городов Восточного Туркестана. В 1870 году он захватил Урумчи и провозгласил о создании самостоятельного государства Джетьшаар, став его правителем и присвоив себе титул Аталык гази Бадаулет («Защитник веры и счастливец») В состав этого государства вошли Восточный Туркестан и Джунгария, т.е. практически вся территория современного Синьцзяна, за исключением Илийского края. Основной социальной опорой режима Якуббека были местные феодалы и духовенство. Не имея традиционно сложившейся внешнеполитической ориентации, он вынужден был лавировать и искать поддержки то у Великобритании, то у Турции, то у России, стремясь играть на их противоречиях в Центральной Азии. После смерти Якуббека, последовавшей в 1877 года, началась междоусобица между претендентами на власть. Цинский Китай, воспользовавшись шаткостью внутреннего положения в государстве Джетьшаар, ликвидировал его в 1878 г.

Приветствуя в 1933 г. попытку отделения Кашгарии от Китая и создания там под эгидой Великобритании мусульманского государства, П. Салиев выдвинул свою, отличную от официальной, концепцию исторической судьбы государственных образований в Туркестане. Он стал явственно демонстрировать крепнувшие в нём англофильские убеждения которые со временем в нём начали усиливаться.

«Якуббек был поразительно умным человеком, – рассказывал в чайхане в октябре 1933 г. П. Салиев, держа в руках книгу Н.И. Веселовского «Бадаулет Якуббек аталык Кашгарский», изданную в

1898 г. в Санкт-Петербурге, и демонстрируя при этом портрет правителя, помещённый в данном издании.

«Теперь-то его слова оказались правильными», – восхвалял Якуббека П. Салиев и искренне радовался, что, наконец, сбылась его мечта: он видел в Пскенте сына, внука и племянников Якуббека и теперь он имеет наиболее полные сведения о Якуббеке, его жизни и семье. Попутно он высказал мнение, о том что русские видели в Якуббеке врага и недоброжелательно отзывались о нём⁴⁸.

Когда же попытка установления в Кашгаре мусульманского правительства не удалась, П. Салиев в ноябре 1934 г., размышляя о причинах неудачи, пришёл к выводу, что в этом повинны большевики.

«Наше же большевистское правительство, – откровенничал он в кругу друзей, – лишь на словах является рабоче-дехканской властью. Большевики в нужный момент продают рабочих и дехкан за гроши, расстреливают, уничтожают. Вот, например, происходившее недавно событие в Китае. Как только в Кашгарии началось организовываться мусульманское правительство, большевики, предчувствуя опасность, тотчас объединились с китайскими империалистами и раздали оружие. Фактически силой и оружием большевиков китайские генералы раздавили и ликвидировали мусульманское правительство. Возникновение в Восточном Туркестане мусульманского правительства для большевиков опасно. Зная это, они рабочих и дехкан потопили в крови, протянув руку империалистам. Эти действия хорошо знают сознательные мусульмане, но ничего сказать не могут потому, что боятся...»⁴⁹.

XVI. РАЗМЫШЛЕНИЯ «НА ПУСТОЙ ЖЕЛУДОК» – II

«...Чем дальше, тем жизнь становится труднее, – сетовал П. Салиев, – мука стоит 170 рублей, люди голодные или полуголодные. Учащиеся института говорят о трудностях питания... Самое плохое то, что положение колхозников трудное: они все голодные. Во время работы можно заметить изнурённых голодом...»⁵⁰.

Глубокое впечатление на П. Салиева произвёл рассказ одного самаркандского домуллы, давно перебравшегося в Афганистан. В

связи с болезнью оставшейся в Самарканде жены, он приехал специально за нею, но ГПУ его задержало. По словам домоллы, в Афганистане чашка сметаны стоит 3 копейки, и её некому покупать. Он также рассказывал, что открыл там маленькую лавчонку, что один торговец дал ему 20 пачек чаю, другой – мануфактуру, третий – спички, а прибыли от продажи этих товаров хватило бы на несколько лет. Домулла, сильно сокрушаясь по поводу своего задержания, рассказывал, что на границе стоит особый отряд, пропускающий перебежчиков, взимая за это небольшую сумму денег⁵¹.

В Индии же, по мнению П. Салиева, Великобритания предоставляет полную свободу мусульманам, всем колониальным народам. В Индии имеется 2 миллиона коренных жителей имеющих высшее образование. Они самостоятельны, они довольны собой и жизнью, а потому не возникает и не будет никаких скандалов и недовольства»⁵².

Мало осведомленный о реальных политических процессах, происходивших в тот период в Индии, П. Салиев не сумел подняться в данном вопросе, на мой взгляд, выше абстрактных рассуждений о взаимоотношениях индусов и англичан, явно их идеализируя. В разговорах П. Салиева с друзьями, состоявшимися в 30-х годах, проскальзывали различного рода оценки настоящего и будущего. Порой он сожалел, что не продлилась Февральская революция. Поскольку если бы это произошло, то Туркестан, по его мнению, уже превратился бы в настоящий рай. Мы приближаемся к 20-летию «Октябрьской революции», говорил он, а между тем ни одно из словесных заявлений и обещаний не сбылось. Сады Самарканда посохли, а от многих городов, в особенности старых городов, остались одни лишь руины. Что может быть, если нет у людей личной жизни, частной собственности и некоторого личного эгоизма? Общим котлом и сбродной жизнью далеко не поедешь! Человек серьезно делает что-нибудь только тогда, когда делает для себя...

«Если бы у нас продлилась Февральская революция, – говорил П. Салиев, – то мы теперь стали бы миллионерами. За это время успел я бы сочинить сотни томов научных произведений, интересные вещи из истории Туркестана. В самом деле, в капиталистических странах историки и писатели не рабы, не пленники, как у нас, а хозяева своего положения – сами издатели своих произведений и поль-

зуются огромным авторитетом. Это только мы по прихоти кого-то, в угоду кому-то насилуем себя на искусственное книгописание. Мы нищенствуем и получаем гроши»⁵¹.

Не во всех своих пророчествах профессор П. Салиев оказался прав, но некоторые догадки и прозрения учёного, сумевшего увидеть сквозь призму времени и сделать многие верные прогнозы, имели место. Хотя он, как это часто бывает у тех, кто что-либо пытается предсказать, ошибся в сроках, масштабах. Касаясь перспектив возможной войны СССР с национал-социалистической Германией, П. Салиев в мае 1935 г. отмечал: «Наши дураки усиленно увеличивают сухопутную армию, её муштруют по улицам на показ и на смех всем. А ведь будущая война произойдет не на суше, а в воздухе, и решающей силой будут её не сухопутная военная сила, а наука и техника. Немцы изобрели такие бомбовозы, которые могут за какой-нибудь час превратить Москву и Ленинград в пепел. За 24 часа они могут захватить половину нашей территории...

Будет жив Гитлер, так он ещё устроит на нашей голове танец обезьян... Стоит им захватить Москву и Ленинград, остальное они заберут уже без боя... В сущности, Россия кичится, чванится хлопком Туркестана. Как только уйдёт хлопок, то промышленность умрёт сама по себе. Если же уйдёт Баку, то Россия останется во мраке и без ног. Настоящая родина русских – это Сибирь, и они останутся только там. Хотя и в Сибири большую часть территории высмотрела себе Япония... Германия в будущем стремится стать хозяином Европы и, безусловно, станет... В случае объявления войны мгновенно зашевелиятся басмачи, и внутри страны пойдёт резня. Потом «дядя ГПУ» спрячет без разговоров подобных нам сомнительных людей»⁵⁴.

Так что кое в чём Салиев оказывался провидцем, хотя его догадки не слишком обгоняли своё время. Подобного рода настроения витали в воздухе, а некоторые его современники также говорили о будущей войне как о войне моторов, техники.

XVII. О ЖИЗНИ И СМЕРТИ, О ЛЮБВИ

Между тем идеологизация исторической науки в Узбекистане усиливалась. Так в мае 1935 г. ЦК КПБ Узбекистана рассмотрел проект решения об укомплектовании исторического факультета Узбек-

ского государственного университета в 1935/36 учебном году членами партии. Изучалась перспектива произвести мобилизацию 30 членов партии на учёбу на исторический факультет УГУ⁵⁵.

Предчувствуя свой скорый трагический финал, грустно и полный пессимизма встречал профессор П. Салиев новый 1937 г. Накануне, 31 декабря, он после участия на собрании, проведённом в УзГУ по случаю юбилея Садриддина Айни, со своим знакомым Ильясовым и его супругой договорились встретить Новый год у студентки Мияровой. Собравшиеся много говорили об Айни, об его делах и успехах, шутили об его ставшей притчей во языцех «бережливости». Но вскоре разговором завладел Пулат Салиев. Полный худших предчувствий, он, сидя в кругу друзей за праздничным новогодним столом, читал стихи любимого им татарского поэта Закира Рамеева, писавшего под псевдонимом Дардменд. Отличаясь тонкостью передачи настроений, музыкальностью и разнообразием поэтических приёмов, они в то же время являлись глубоко философскими и полными пессимизма. Поэтическое творчество Дардменда во многом соотносилось с историческими воззрениями П. Салиева. Профессор рассказал присутствующим о крупных оренбургских золотопромышленниках Рамеевых, в семье которых родился поэт. Закир Рамеев с детства изучал арабский, персидский и русский языки, позже учился в Турции. Псевдоним Дардменд – в переводе на русский язык означает, Опечаленный⁵⁶.

После долгих хлопот, говорил П. Салиев, исполнилась мечта братьев Рамеевых об издании газеты и журнала: после Российской революции 1905 года в Оренбурге стала выходить газета «Вақыт» («Время»), а затем журнал «Шуро» («Совет»). Редактировали их такие крупные деятели татарской культуры начала XX века, как Фатых Карими и энциклопедист Риза Фахрутдинов. Дардменд, главным образом, печатался в журнале «Шуро». Он был социально активным человеком: избирался от Оренбургской губернии в первую Государственную Думу, являлся председателем или членом ряда мусульманских благотворительных обществ, обучал за свой счет несколько студентов за границей.

П. Салиев пояснил, что в человеческой судьбе поэт берёт две полярные крайности: жизнь и смерть. Здесь неизменно сопутствуют ему два фактора: подспудное ощущение близкого исторического ка-

таклизма и традиции философской поэзии Востока, прежде всего Омара Хайяма.

Профессор грустно продекламировал стихи:

Прошли года, прошли века и времена.
Ушли цари, ушли пророки, племена.
Прошли века – за караваном караван,
Пришло и вновь ушло из мира столько стран!
(«Мы». Перевод Семёна Липкина).

Лучшим, одним из сильнейших произведений тюркской поэзии начала XX века П. Салиев считал стихотворение Дардменда «Корабль», впервые опубликованное в журнале «Шуро» в 1908 г. во времена реакции. Глубокому знатоку восточной поэзии профессору. П. Салиеву импонировало, что 15-сложные бейты классического стиха с метром аруза ромали – мусаммани махзуф Дардменд разбил на шесть строк, очистив цезуры и привёл их в ритмическое соответствие с 8-7-сложным народным стихом, вызвал переключку коротких строк безупречными ритмами, создав тем самым стремительный ритм, созвучный образу безудержно несущегося корабля.

И день и ночь
Грохочет море,
А паруса рвёт ветер злой.
Не перевозмочь,
Не переспорить,
Несёт корабль к земле чужой.
Волна нагрянет,
Её кручина
Швырнёт корабль страны родной.
Какая тянет Нас пучина
И жертвы требует, какой?
(«Корабль». Перевод М. Зарецкого)⁵⁷.

С особым восхищением П. Салиев читал стихи Дардменда, посвящённые узбекскому народу:

Я влюбился в несчастный народ,
Но что же поделаться,
Я покраснел, побледнел и признался в том,
Что я действительно влюбился в несчастный, узбекский народ.

Присутствовавшие на новогоднем вечере читали друг другу считавшиеся наиболее реакционными стихи Чулпана «Бузулган улка» («Разорённый край») и «Амалимининг улими» («Гибель идеала»), в которых поэт жалуется на современную жизнь и указывает на ошибки предков. Основное содержание стихов сводится к тому, что «предки не сумели справиться с управлением страной и несут за это ответственность перед своими потомками, перед самой историей, поскольку страна в плену, свободные хозяева высокогорной страны – в рабстве, вместо них пришли не обладающие никакими правами хозяева. В этой связи автор спрашивает, почему горы и степи не гонят их прочь?».

Незадолго до ареста профессора П. Салиева состоялся ещё примечательный инцидент, который ему затем припомнили на допросах. В мае 1937 г. во время своего пребывания в Самарканде П. Салиев был приглашен на свадьбу к аспиранту УзГУ Нуритдину Бердиеву. В гости были также приглашены декан исторического факультета УзГУ Ибрагим Муминов, парторг истфака студент Маткарим Рахимов, доцент Абдурахман Хамраев и другие. На свадьбе женщины-узбечки, собравшиеся в женской половине дома, пели старинные обрядовые песни любовно-религиозного характера. Парторг М. Рахимов крикнул им, чтобы они спели новые песни и прекратили бы петь старинные. Услышавший это профессор П. Салиев страшно возмутился, вспылал и, назвав М. Рахимова дураком, добавил: «Ему нужны песни о хлопке»⁵⁸.

XVIII. ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ ТРУД ПРОФЕССОРА

Важным этапом в научной биографии П. Салиева стало его участие в создании сводного обобщающего труда «История Узбекистана». Это была первая в своем роде попытка за всю историю узбекского народа. Предстояло воедино свести многие разрозненные

сведения, почерпнутые из множества разнообразных первоисточников, а также сочинений древних, средневековых и современных историков. Секретарь ЦК КП Узбекистана Акмаль Икрамов возглавил разработку проспекта будущего капитального труда «История Узбекистан».

Параллельно готовилась к изданию авторская двухтомная монография П. Салиева. Монография посвящалась истории Узбекистана с древнейших времен до 1917 г. Проспект «История Узбекистана» в двух томах был одобрен коллективом привлечённых историков⁵⁹.

Работа была завершена П. Салиевым в 1935 г. и тогда же рукопись была обсуждена комиссией под председательством Акмаля Икрамова. Первый том был передан в издательство. Второй том находился на доработке у профессора. Но, в 1937 году после ареста профессора Салиева рукопись исчезла. Случайно сохранился лишь иллюстративный материал для двух томов.

Работа по созданию коллективной монографии «История Узбекистана» была начата в первой половине 30-х гг. XX в. Именно тогда, в 1932 и 1933 годах П. Салиев был прикомандирован в Узбекский научно-исследовательский институт истории партии и революции в Ташкент в качестве научного сотрудника. В эти годы вышло постановление правительства о написании полной истории Узбекистана. К руководству над этой работой привлекается П. Салиев.

Также профессор принимал непосредственное участие в большой подготовительной работе, развернувшейся в УзНИИМЛе по созданию учебника по истории Узбекистана. Под руководством Ф. Ходжаева сотрудники двух секторов – истории Узбекистана (заведующий В.Я. Яроцкий) и Истории Октябрьской революции и Гражданской войны (заведующий В.М. Арит) – готовили разделы по истории Узбекистана для включения их в учебник по отечественной истории. В написании отдельных разделов по соответствующим темам принимали участие П. Салиев, З. Гимадиев, К.И. Кашкин, В.В. Ершов⁶⁰.

Для осуществления этого замысла потребовался пересмотр многих теоретических проблем. Весной 1936 года научные сотрудники УзНИИМЛа З. Гимадиев, З.Д. Кагельская и П. Салиев были откомандированы в Ленинград для участия в XVI пленуме Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК). Доклады А.Ю. Якубовского «Основные вопросы изучения Средней

Азии до XVI века», С.П. Толстова «Основные вопросы периодизации докапиталистической истории Средней Азии» сыграли определяющую роль в дальнейшей разработке истории Узбекистана.

На пленуме обсуждались состояние изучения истории Средней Азии, пересматривались концепции отдельных этапов среднеазиатской историографии, а также была дана оценка научному наследию В.В. Бартольда. В докладе А.Ю. Якубовского содержалось признание в том, что «вскрывая буржуазно-идеологическую сущность методологии Бартольда, советский историк не может не использовать огромного количества собранных им фактов, ценнейших и богатейших его ссылок на источники, приёмов его формальной критики источников, наконец, многих ценных его наблюдений и замечаний»⁶¹.

XIX. ПО ЖИЗНИ – ВЕЛИКИМ ШЁЛКОВЫМ ПУТЁМ

Направление П. Салиева в Ташкент было тем более кстати, что, начиная с 1929 г. обстановка в Узбекском государственном университете в Самарканде для него стала неблагоприятной. В том году в газете «Правда Востока» была опубликована статья Эль-Регистана под заголовком «Лай цепных собак кокандского хана», где П. Салиев вместе с Хади Файзи и Абдуллой Мустакаевым был причислен к идеологам «Кокандской автономии», то есть Туркестанской автономии и неразоблачённым контрреволюционерам.

«Ибрагиму Тахири, ответственному редактору погромного журнала «Скорпион», и матёрому генералу от пера Пулат Салиеву, ответственному редактору газеты «Эль-Байроги», официального органа и печатного официоза кокандского автономного национального правительства, правительства блока баев, богачей, мулл, ишанов и пантюркистской интеллигенции, – писал Эль-Регистан, мы сейчас напомним некоторые передовицы, вышедшие из-под их перьев».

И далее Эль-Регистан цитировал эти передовицы:

«...Баи и бедняки Туркестана в тесном братском единении с улемистами и религией, весь наш народ мусульманский рука об руку, по-братски объединившись, сейчас радостно манифестируют в пользу автономии. Поэтому так успешно и проходит работа национальной палаты».

Помните, гражданин Пулат Салиев, рассыпанные по вашей газете лозунги?

«...Туркестанское сырьё должно остаться в Туркестане!»

«...Вместо хлопка теперь будем сеять хлеб!»

Неприятно вспоминать, не правда ли?

и вы, председатель правления Узгиза, гражданин Файзи, помните, как вместе со своим зятем Пулат Салиевым вы заседали в верховном совете кокандского национального правительства?

Тогда по правую вашу руку сидели в национальном Совете Ибрагим Тахири, Ашурали Закири Ахмедханов, Мустакаев, Ильбек — одним словом, все те, которых вы с таким трудом собрали в Узгиз»⁶².

В обстановке развязанной Эль-Регистаном травли П. Салиев участвует в создании в Самарканде Узбекского государственного научно-исследовательского института, выступает автором концепции изучения в историческом, археологическом и этнографическом отношениях древних среднеазиатских городов и кишлаков. Примечательно, что они располагались на одном из трёх древнейших торговых путей, ведущих в Восточный Туркестан, Монголию и Китай, то есть на трассах Великого Шелкового пути. Тем самым он, по существу, предвосхитил проект, выдвинутый ЮНЕСКО в 80-е годы XX века.

Почти на полвека раньше, а именно 5 мая 1929 г. П. Салиев составил аналитическую записку, в которой обосновал свой проект просто и гениально: «Одним из торговых путей, связывающих Туркестан с Китаем, Восточным Туркестаном и Монголией, был Семиреченский торговый путь. По этому пути двигались не только торговые караваны Туркестана, но и караваны западноевропейские, византийские и держав побережья Средиземного моря совершали свои торговые операции. На этом пути образовывались с древнейших времён города и большие кишлаки. Например, города Чимкент, Сайрам, Мерке, Аулие-Ата (древний Талас) и кишлаки Суткент, Кадр, Манкент, Тулки-бас и Карабулак с древнейших времён расположены на этом пути; эти города и кишлаки существуют с V века до нашей эры... Эти местности служат объектом для этнографических, археологических, исторических и лингвистических обследований.

Исторические документы, как-то: рукописи по истории Средней Азии, ярлыки, выданные ханами и феодалами, и вакуфные доку-

менты несомненно имеют большое значение для истории узбекского народа. Вместе с тем, в названных местностях существует с древних времён кустарная промышленность, разные её виды и цеховые организации, исследование которых даёт богатый материал по изучению экономики средних веков»⁶³.

С 1929 года во время летних каникул под руководством профессора Пулата Салиева становятся традицией ежегодные научные экспедиции, организуемые кафедрой истории Средней Азии. В составе экспедиций принимали участие преподаватели Узбекской педагогической академии, преобразованной впоследствии в Узбекский государственный университет, а также аспиранты и студенты, среди которых были и его ученики. Впоследствии это и такие известные учёные Узбекистана, как вице-президент национальной академии, академик И.М. Муминов, академик Я.Г. Гулямов, члены-корреспонденты А.М. Аминов, Р.Н. Набиев, профессор М.Г. Вахабов, доцент А.Х. Хамраев и другие.

Между тем кампания травли П. Салиева то угасала, то набирала новые обороты. Ругательная статья, характеризующая «контрреволюционную деятельность Пулата Салиева» была опубликована в одном из номеров московского журнала «Культурная революция» под заголовком «Мракобесы руководят вузом!»⁶⁴.

В 1931 г. состоялось собрание студентов, преподавателей и научных работников Узбекского государственного университета, на котором был поставлен вопрос об отстранении П. Салиева от преподавательской деятельности «за проведение контрреволюционных националистических идей в читаемых им лекциях». Выступившие оппоненты Салиева ставили ему в вину, что он указывал на неприемлемость методологии марксизма в изучении истории Востока»⁶⁵.

Обвинение, прозвучавшее на собрании, не было случайным. Оно явилось отголоском бурных дискуссий, происшедших в 1929 и 1930 годах, о так называемом «азиатском способе производства». В мае 1929 г. такая дискуссия о социально-экономических формациях прошла в Обществе историков-марксистов в Москве. В 1930 году Закавказское отделение данного Общества опубликовало стенографический отчёт дискуссии по докладу Берлина «Об азиатском способе производства»⁶⁶.

В ходе проведённой дискуссии были подвергнуты критике историки и обществоведы, сторонники теории «азиатского способа производства». Они утверждали, что господство в странах Азии государственной земельной собственности, отсутствие там крупных хозяйств, непосредственное подчинение крестьян государству, особая роль государства в создании ирригационной системы, в организации сопротивления кочевников, а также наличие в восточных деспотиях развитого слоя государственной бюрократии – все эти признаки конституируют особую социально-экономическую формацию. Сторонники теории «азиатского способа производства» считали также, что аппарат государственной власти, т.е. чиновничество и бюрократия, выступает в этих государствах в качестве особого класса.

Подобная точка зрения, однако, не нашла тогда поддержки у большинства историков.

На этом же собрании было выдвинуто и другое обвинение в адрес П. Салиева. Ему инкриминировали то, что читает он свой курс лекций по истории Средней Азии, опираясь на книгу Арминия Вамбери под заглавием «Тарихи Мауранахр» («История Мавераннахра») в переводе «татарского контрреволюционного деятеля» Фатыха Каримова. По мнению критиковавших его историков-партийцев, студенты из его лекций не получали чёткого и ясного представления о действительной истории Средней Азии, поскольку указанная книга Арминия Вамбери отличалась описанием личной жизни и деятельности царей в Средней Азии и не освещала истинного положения народных масс»⁶⁷.

Противниками П. Салиева был поднят вопрос о несоответствии им звания профессора, которое он якобы получил при поддержке профессора истории председателя Государственного Учёного совета при Народном Комиссариате просвещения Узбекской ССР Зия Гимадиева и его заместителя – профессора истории Василия Яроцкого⁶⁸.

Впоследствии оба этих профессора были расстреляны.

Прямым результатом всех этих событий явилось то, что профессор П. Салиев около двух лет в Узбекском государственном университете не работал и лишь впоследствии был привлечён вновь. Отстранённый от преподавательской деятельности, он целиком сосредоточился на научно-исследовательской работе.

XX. АБРАМ ГУРЕВИЧ НА «ИСТОРИЧЕСКОМ» ФРОНТЕ

К середине 30-х годов относится полемика, возникшая между Пулатом Салиевым и председателем кафедры Всеобщей истории САКУ и, одновременно, заведующим сектором истории народов Средней Азии и Узбекистана САНИИМЛа Абрамом Гуревичем. Работавший ранее в Москве в газете «Правда», А. Гуревич подвергся партийной опале за ошибки, допущенные в написанной им книге «Зарождение и развитие Коминтерна» и был выслан в Ташкент. При этом ему напомнили, что ранее он состоял в Еврейской Социал-демократической Рабочей партии («Палей-Цион») и что, якобы, эти ошибки отнюдь не случайны. Уже, будучи в Ташкенте, А. Гуревич занялся изучением истории феодализма в Средней Азии, в частности чагатайский периода, на основе которого он готовил диссертацию»⁶⁹.

В 1934 г. А. Гуревич выступил с программной статьёй, посвящённой перестройке преподавания гражданской истории и организации исторических исследований «О положении на историческом фронте Средней Азии»⁷⁰.

«Решение ЦК и Совнаркома, – отмечал он, – должно дать решительный толчок истории Средней Азии. ...»⁷¹.

Принятое 23-го мая с.г. постановление Средазбюро ЦК ВКП (б) о неудовлетворительном положении на историческом фронте Средней Азии, наряду с указаниями тов. Сталина и решением ЦК и Совнаркома об улучшении преподавания гражданской истории в средней школе, должно стать средством мобилизации историков-марксистов для преодоления влияния враждебных нам школ, концепций и для развертывания серьезного марксистского изучения истории народов Средней Азии»⁷².

Главное остриё критики А. Гуревича был направлен на школу Бартольда, «основоположника специального изучения истории края»⁷³.

В эту школу историк Гуревич отнёс и профессора П. Салиева.

А. Гуревич по этому поводу специально отмечал, что «влияние Бартольда не в малой степени испытали авторы ряда работ на узбекском языке – Булат Салиев, Убайдуллин, Фитрат, в то числе и коммунисты, например, тов. Хошимов. Для этих авторов также характерно игнорирование учения об общественно-экономических форма-

циях, смазывание классовой дифференциации и классовой борьбы и переоценка влияния на исторический процесс личностей крупных завоевателей»⁷⁴.

И далее: «Указанная группа историков, однако, имеет свои особенности, бесспорно отражающие буржуазно-националистические влияния. Эти авторы находят «торговый капитализм», а иногда «капитализм» без оговорок, т.е. современный (!), уже при Тимуре в XIV веке и даже ещё в более давние времена» (Убайдуллин). А. Гуревич упрекал названных историков и в первую очередь П. Салиева в том, что феодальное средневековье в Средней Азии идеально рисуется ими как эпоха небывалого экономического процветания и «ликвидации» натурального хозяйства, как время «максимального» развития торгового капитала и даже господства (!) капиталистов⁷⁵.

Критике А. Гуревича подвергся и занимающий сходные тогда с П. Салиевым позиции приглашённый в Узбекистан из Баку для чтения лекций в УзГУ и составления «Истории Узбекистана» его университетский коллега Газиз Губайдуллин (на узбекский манер здесь его называли Азиз Убайдуллин). Гуревич, атакуя последнего, писал, что «один из самых ретивых модернизаторов – Убайдуллин писал про эпоху Амира Темура:

«Этот политический феодализм был не в состоянии противостоять торговому капитализму (!), господствующему (!) с очень давних времён в крупных городах Средней Азии и особенно Мавераннахра. В этих городах, подобно тому, как это было в Европе в средние века, господствовали (!?) торгово-промышленные классы, у них действительно был дух коллективизма (!). (См.: Убайдуллин А. Материалы для истории узбеков. Перевод сотрудников САНИИМЛа Нигматова и Первышева)»⁷⁶.

Далее А. Гуревич подчеркивал, что «Убайдуллин особенно наглядно, хотя довольно неуклюже, протаскивает идейку буржуазных экономистов, защищаемую рядом новейших реакционных историков во главе с Допшем* о существовании капитализма чуть ли не испокон века, во всяком случае в течение всей феодальной формации, и о неизменно прогрессивной роли буржуазии».

* Профессор Венского университета в 1900-1937 годах австрийский историк-медиевист Альфонс Допш считал всякую предпринимательскую деятельность доказательством существования капитализма.

Примерно по этому же поводу А. Гуревич критикует А. Хашимова (См.: Фитрат. Образцы узбекской литературы. 1928. Предисловие А. Хашимова): «В то же время крупные завоеватели – феодальные объединители изображаются, отмечает далее А. Гуревич как вожди, благодетели не только буржуазии, но и крестьянства. Например, Булат Салиев рисует Чингисхана как непосредственного выразителя интересов торгового капитала. Одновременно превозносится, вопреки исторической правде, прогрессивная роль такого восточно-феодального деспота, как Тимура «Создание государства Тимура принесло большую пользу капитализму (!) Мавераннахра и земледельческому населению (?!) (Убайдуллин)»⁷⁷.

Резюмируя своё критическое отношение к П. Салиеву и историкам его круга, А. Гуревич заключает, что подобное извращение хода исторического развития Средней Азии имеет своей подосновой: 1) игнорирование теории общественно-экономических формаций; 2) апологию самобытности и особой прогрессивности исторического процесса в Средней Азии по сравнению с ходом событий на Западе и вообще в других странах; 3) повторение «задов» о существовании капитализма с древнейших времён; 4) идеализированное изображение восточного средневековья с чудовищным феодально-помещичьим гнѐтом как самой счастливой поры в жизни народностей Средней Азии; 5) смазывание классовой дифференциации и классовой борьбы крестьянства и городской бедноты против Феодалов, богатых купцов и т.д. и, наоборот, приписывание духовенству и буржуазной интеллигенции роли гегемона в социальных движениях.

А. Гуревич в то же время выражал также сожаление, что до сих пор развёрнутой критики этих антимарксистских работ не было, а книги Убайдуллина, Булат-Салиева и др. продолжают служить единственным источником «знаний» по истории Средней Азии для студентов, преподавателей, партактива местных национальностей⁷⁸. Вынужденный обороняться и осознавая, что лучший способ защиты это нападение, П. Салиев перешѐл в наступление и, принимая навязанные ему правила игры, обвинил А. Гуревича в протаскивании троцкистской контрабанды в его статье «О классовой борьбе в Самарканде в 1365-1366 гг.»⁷⁹.

Одновременно полемизируя с В.В. Бартольдом и А.Ю. Якубовским о характере и движущих силах восстания сарбадаров в Са-

марканде, П. Салиев основной огонь критики сосредоточил, однако, на А. Гуревиче, отмечая, что основная его политическая ошибка «заключается в том, что он, давая неправильную расстановку классовых сил, пытается выдать массовое народное восстание 1365 года за движение самаркандских аристократов. Самаркандское восстание 1365 года – единственное восстание, скрыть истинный смысл которого не могли даже буржуазные историки, в том числе и академик В.В. Бартольд, признав его без всяких оговорок народным движением. А. Гуревич, квалифицируя это восстание как реакционное, оказывает тем самым медвежью» услугу читателям, контрабандным путём проталкивает троцкистские взгляды в вопросы истории Узбекистана»⁸⁰.

Но его уже не могла спасти даже эта без сомнения, позволительная в то время хитрость.

XXI. ПУЛАТ САЛИЕВ В ПАМЯТИ, НАСЛЕДИИ И РАЗМЫШЛЕНИЯХ

13 октября 1937 г. профессор П.М. Салиев был арестован. Следствие по его делу длилось менее четырёх месяцев. Тянулись бессонные ночи. Они перемежались многочасовыми допросами – конвейерами. Сменявшие друг друга следователи допрашивали в течение нескольких суток П. Салиева, не позволяя ему не на минуту сомкнуть глаз.

В своих «Воспоминаниях о моём отце...» Фарида Пулатовна Мухитдинова писала:

«Летом 1968 года моя старшая сестра Р. Салиева, будучи в Самарканде, посетила музеи города, с детства знакомые места. Во время посещения обсерватории Улугбека встретила с пожилым директором музея Акрамовым Абдусаломом Хусаиновичем.

Разговорились. Из разговора выяснилось, что она доводится дочерью его учителю П. Салиеву, а он бывший его аспирант и, что он в 1937 году был репрессирован и сидел в одной камере с П. Салиевым. Они договорились ещё раз встретиться. Вскоре А.Х. Акрамов прибыл в Ташкент и представился маме, мы собрались в доме у сестры, где он нам рассказал о последних днях своего учителя.

«Нас в тесной, трёхъярусной камере (видимо с трёхъярусными тюремными нарами – В.Г.), рассчитанной на 50 человек, было 150 заключённых. Среди нас были и политические, и уголовники, и так называемые «басмачи» во главе с племянником известного курбаши. Часто между заключёнными происходили споры: «басмачи» задавали вопросы членам партии, советским работникам: «за что же вы все сидите, вы ведь боролись за эту советскую власть? Мы то убивали ваших, но вы же за эту власть боролись». Такие разговоры между ними велись часто. В камере было душно, не хватало воздуха, были споры и скандалы. А в разгар ссор между заключёнными я обращался к учителю, который тихо задумчиво сидел на полу, прислонившись к стене, думая о своей семье, своих трудах, библиотеке и всей обстановке в стране. Он был печален, заросший с седой бородой.

Зная его искусство рассказчика, лектора, мы ученики, самаркандцы, просили его рассказать что-либо из истории.

Он начинал говорить, обстановка разряжалась. Его лекции были столь интересными, что захватывали внимание всех заключённых. Наступала мёртвая тишина, его рассказы завораживали слушателей. Учитель много знал и прекрасно преподносил материал. Говорил он и об эпохе Амира Темура, и о его походах, завоеваниях и вот перед нами Амир Темура скакал на коне во главе своего войска, говорил о его столице городе Самарканде, о темуридах. Перед нами оживал Хусейн Байкара, сидящий на троне и окружённый свитой и тут же великий Алишер Навои. Он воспроизводил образ поэта так живо и отчётливо, что Навои стоял перед нами, как живой, читающий стихи.

Учитель читал нам стихи Навои. Описанные им образы все более оживали и мы переносились в другую эпоху, мы забывали о своём положении, уносились в сказочную даль и отрывались от будней – так захватывали наше внимание рассказы нашего учителя.

Мы были глубоко благодарны ему за то, что он отвлекал нас от ежедневных невзгод. После окончания рассказа учителя наступала тишина, а затем мы постепенно приходили в себя. Однажды племянник курбаши вскочил со своего места и воскликнул: «Кто арестовал этого Святого?», долго ещё возмущаясь по этому поводу. К сожалению, мне недолго пришлось быть вместе со своим учителем. Летом

1938 года я покинул камеру,⁸¹ так как был отправлен в лагерь под городом Куйбышевым»⁸¹.

* * *

Из «Протокола допроса 1937 года, декабря месяца, 26 дня Усманова Кадыра, 1909 года рождения, место рождения город Маргилан Узбекской ССР, местожительство город Самарканд, Бульвар всеобуча №24, узбек, гражданин СССР, доцент исторического факультета УзГУ, допрошен Оперуполномоченным 3 Отдела СС НКВД Уз сержантом ГБ Комачновым.

«...Салиева Пулата я знаю примерно с 1930 года. Но столкнуться ближе с ним мне пришлось только с марта 1937 года, то есть с момента моего назначения доцентом исторического факультета УзГУ... столкнувшись с ним марте месяце я убедился в том, что Салиев Пулат в своей практической работе проводит явную контрреволюционную линию и контрреволюционную работу. Это могу подтвердить следующими фактами.

В мае или июне первый раз и в сентябре месяце второй раз я, как доцент исторического факультета, советовался с профессором Салиевым и предлагал развернуть работу по привлечению студентов последнего курса в нашу кафедру для того, чтобы они специализировались по истории Средней Азии. На это Салиев мне ответил: «Зачем привлекать студентов на нашу кафедру? Этого делать совершенно не нужно. Студенты, окончившие нашу кафедру, будут безработными. Подобная подготовка кадров советским профессором есть ни что иное, как контрреволюционная на практике.

Кроме этого Салиев Пулат проводил контрреволюционную националистическую пропаганду...»⁸².

Справка

Кадыр Усманов, во время Второй Мировой войны перешёл на сторону германских войск. Впоследствии проживал в Турции, читая лекции по восточной философии.

* Пулат Салиев покинул камеру ещё раньше. 28 февраля 1938 г. приговор по отношению к нему был вынесен окончательный, не подлежащий обжалованию, и уже был приведён в исполнение.

7 февраля 1938 г. в соответствии с докладом некоего Федяева судом тройки было рассмотрено дело Самаркандского сектора НКВД Узбекистана по обвинению профессора П. Салиева и вынесено постановление о его расстреле и конфискации лично ему принадлежащего имущества. Приговор был приведён в исполнение 28 февраля 1938 г.⁸³

28 июня 1956 г. в ответ на запрос жены профессора Фатимы Зарафуллаевны Салиевой о судьбе мужа был дан ответ, что её «муж... был осуждён к 10 годам в ИТЛ и, находясь в местах заключения, 28 февраля 1944 года умер от острого энтерколита»⁸⁴.

Только через 18 лет семья П.М. Салиева узнала полуправду, т.е. число и месяц смерти мужа и отца, отмечая с этих пор день траура. Истинную же причину смерти и подлинный год гибели, оставшиеся в живых члены семьи узнали лишь спустя несколько десятилетий.

Репрессии по отношению к историкам сопровождались преданием анафеме и забвению опубликованных и так и не выпешших в свет завершённых или находящихся в процессе работы рукописей. Воистину, каждый век имел своё средневековье: очевидцы рассказывают, что в Ташкенте во дворе НКВД в 1937 и 1938 гг. день и ночь пылали костры из конфискованных и изъятых из оборота книг. Изымались и расходились по неизвестным направлениям личные библиотеки, собранные подвижниками от науки в результате титанических усилий. Лишь некоторые из запрещённых книг репрессированных авторов, хранящихся в спецхранах государственных библиотек в единичных экземплярах дошли до нашего времени. Многие были безвозвратно утеряны. Что касается конфискованных библиотек, то и после реабилитации их владельцев они не были возвращены их наследникам.

Из заявления Салиевой Фатимы председателю Комитета государственной безопасности при Совете министров Узбекистана от 8.06.1956 г.:

«...Мой муж всю жизнь посвятил исследованию вопросов истории Средней Азии, и всю жизнь по крупинками собирал исторические документы, первоисточники, рукописные книги на коже, пер-

замене на русском, узбекском, персидском, арабском языках и др.

Научные работники, работающие по истории Средней Азии постоянно обращались к библиотеке мужа, ибо она была известна историкам своим богатством и наличием редчайших экземпляров книг и первоисточников...».

Фатима Зарифуллаевна просила: «...вернуть его личные труды и рукописные материалы. В библиотеке мужа хранился его личный архив, хранилось много неопубликованных, незаконченных рукописей.

Во время ареста была изъята и его законченная работа по истории Узбекистана, состоявшая примерно из 30-35 печатных листов.

Библиотека была изъята примерно через полгода после ареста мужа работником НКВД Гайнетдиновым и представителем из Комитета наук и другими лицами, фамилии и должности которых нам не известны...»⁸⁵

Из заявления Салиевой Фатимы председателю Верховного суда Узбекистана Ибрагимову от 12.06.1956 года:

«...При аресте моего мужа были изъяты ценные исторические книги, документы на персидском, арабском и других иностранных языках. Кроме того, при библиотеке хранился его личный архив – его рукописи. Прошу Вас дать указание секретариату Верховного Суда о выдаче мне копии описи-акта рукописей и литературы, а также копии актов о сумме рукописей и литературы научным учреждениям или библиотекам г. Ташкента...»⁸⁶.

Поисками библиотеки профессора П.М. Салиева в 1956–1957 гг. занялись высокопоставленные работники КГБ Узбекистана подполковник Петруха, подполковник Шишлов, капитан Ишанкулов под руководством заместителя председателя КГБ при Совете министров Узбекистана подполковника Коновалова⁸⁷.

Но поиски оказались безрезультатными. Сталинские чекисты 30-х годов очевидно проявили больше профессионализма, чем пришедшие им на смену чекисты хрущёвского призыва 50-х годов. Они так и не сумели (или не хотели?) разгадать тайну библиотеки профессора Салиева, оставленную им в наследство предшественниками.

А разысканный всё же подполковником Коноваловым персональный пенсионер КГБ полковник запаса М.Г. Гайнетдинов, подписавший в октябре 1937 г. (будучи ещё лейтенантом НКВД) поста-

новление об аресте П.М. Салиева, мирно проживав в курортном городе Краснодаре и в своём объяснении о библиотеке П.С. Салиева, изъятой в 1937 года написал объяснение:

«1937 год. Слишком много времени прошло с тех пор. О библиотеке Салиева Булата я абсолютно ничего не помню.

5 февраля 1957 г. М.Г. Гайнетдинов»⁸⁸.

Ответ бьёт все рекорды лаконичности. По сути, в ответе заключена формула на самовыживание, выведенная для себя М.Г. Гайнетдиновым за долгие годы службы чекистом. Операции НКВД в то время оставались секретными, а многие останутся такими навечно.

Поэтому, М.Г. Гайнетдинов очень хорошо знал, что действие разворачивалось порой по следующему сценарию. Вызывают вышедшего на пенсию чекиста в КГБ и говорят:

«Здравствуйте, очень рады видеть вас, полковник. Много слышаны о ваших славных делах. Слышали мы, что вы в вашу героическую эпоху занимались такими-то деликатными вещами. Не могли бы рассказать поподробнее». А ветеран, радуясь, что о нём вспомнили и, забыв страшную подписку о неразглашении, данную им в своё время, пускается в безудержные воспоминания. И вскоре умирает от инфаркта. Или погибает, неловко ударившись головой о ступеньки в собственном подъезде. А умные, нутром понявшие секретную службу, такие, как М.Г. Гайнетдинов, те на лесть не поддавались. «Не помню ничего, давно это было». Или «Никогда этим не занимался. Перепутали меня с кем-то», – и дело с концом. Таким, как М.Г. Гайнетдинов даже пенсию повышали.

В общем, пришлось составлять секретный акт о возмещении Салиевой Фатиме Зарифуллаевне стоимости библиотеки и выплате ей смехотворной суммы – восьми тысяч рублей⁸⁹.

Суммы, никак не соизмеримой с истинной стоимостью конфискованных редких книг и рукописей.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА И ЭПИТАФИИ

Заключая свой краткий экскурс о П. Салиеве, хочу сказать, что моё внимание, прежде всего, привлёк феномен появления на смену придворным историкам-летописцам – первого узбекского историка

академического и университетского стиля, начавшего публиковать свои труды на узбекском языке типографским способом. Этой фигурой, несомненно, является П. Салиев, судьба которого по ряду обстоятельств несколько напоминает судьбу Алишера Навои. Как и Навои П. Салиев родился за пределами Узбекистана. Как и Навои, впервые обратившийся к узбекскому языку в своём поэтическом искусстве, П. Салиев впервые предпринял попытку написать полную версию истории Узбекистана на узбекском языке. Историк первым сумел осуществить академический перевод Корана, снабдив его научными комментариями, с арабского на узбекский язык. Перевод исчез во время ареста и до сих пор не найден. Во всём остальном судьба П. Салиева гораздо трагичнее, став мучеником при жизни, он и после смерти в течение продолжительного времени не получал подобающего ему места, в истории. Его замыслы и труды пришлось во многом воплощать его лучшим ученикам. К счастью, лишь очень немногие оказались недостойными его памяти.

Исчерпывающую оценку жизни и деятельности профессору Пулату Салиеву дали его ученики вице-президент Академии наук Узбекистана, среди которых академик И. Муминов, академик Я. Гулямов и другие, отметившие, что «большой вклад в развитие исторической науки в Узбекистане внёс Пулат Салиев – создатель узбекской школы историков»⁹⁰.

* * *

Мне рассказывали, что много лет спустя, уже в пятидесятые годы, Джавахарлал Неру, посетивший Узбекистан, – политик, учёный и автор знаменитой трёхтомной монографии «Взгляд на всемирную историю», – поинтересовался у ученика Пулата Салиева, а тогда вице-президента Академии наук Узбекистана Ибрагима Муминова о судьбе учителя; ему бы хотелось встретиться с Пулатом Салиевым, поговорить о книге «Индия под игом Англии» с её автором лично.

«Пулат Салиев давно умер», – ответил академик.

«Может быть, мне дозволено будет возложить на его могилу цветы?» – поинтересовался Джавахарлал Неру.

«Он умер в пути», – последовал ответ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гуломов Я., Хабиб Р. Улжан тарихшунос //Укитувчи пар гаетаси. – №38 (2149), 1967. – 11 май. 2 б.; Хабиб Р. Тарихчи Олим //Тошкент окпоми. – №133 (288), 1967. 9 июнь. 2 б.

² Гулямов Я.Г., академик АН УзССР. О Пулате Салиеве. Машинопись. 3 л. – Личный архив автора. – Л. 1.

³ www.Ferghana.Ru <http://news.ferghana.ru/detail.php?id=1.7>. Узбеки в Астрахани: история и современность. Волга (Астрахань). Аминов Б. 22.03.2002.

⁴ Воспоминания Фариды Пулатовны Салиевой, дочери профессора П.М. Салиева. Личный архив автора. Л. 1 (об.); См. также Мухитдинова Ф.П. Поселение выходцев из Средней Азии в Астрахани в XVIII в. //Материалы по Востоку. – Ташкент: Наука, 1966. – С. 101-110.

⁵ Рахимов С.В. Причина смерти неизвестна... //Коммунист Приволжья. Орган Приволжского РК КПСС и районного Совета народных депутатов Астраханской области. – №95 (1290). – 1989. – 8 августа.

⁶ Архив Службы национальной безопасности Республики Узбекистан (далее АСНБ РУ), архив. – следств. дело №П-21224, л. 343.

⁷ Азиз-заде Л.А., старший научный сотрудник Института востоковедения АН УзССР. Краткие сведения о профессоре Пулате Салиеве. Машинопись. Личный архив автора. – С. 1, 2.

⁸ Новая страница из жизни А.З. Валиди. Составления, предисловие и примечания Рината Н. Шигабдинова. Перевод на русский язык с копии текста оригинала Абдулқадиром Захидий. Токуо, Жапан: Islamic Area Studies Project, 2001, 38 с. 11 лл. приложение; См. также: Центральный государственный архив Республики Узбекистан, ф. Р-34, оп. 1, д. 26, лл. 101, 105 (об.).

⁹ Германов В.А. «Он умер в пути» //Звезда Востока. Ташкент. 1993. №11-12. С. 140.

¹⁰ Новая страница из жизни А.З. Валиди. Составления, предисловие и примечания Рината Н. Шигабдинова. Перевод на русский язык с копии текста оригинала Абдулқадиром Захидий. Токуо, Жапан: Islamic Area Studies Project, 2001, С. 1-2.

¹¹ Там же, С. 2.

¹² Там же, л. 11 (приложение).

¹³ Азиз-заде Л.А. старший научный сотрудник Института востоковедения АН УзССР. Краткие сведения о профессоре Пулате Салиеве. Машинопись. Л. 1. Личный архив автора. – С. 1, 2.

¹⁴ Воспоминания Фариды Пулатовны Салиевой, дочери профессора П. М. Салиева. Машинопись. Л. 16. Личный архив автора.

¹⁵ АСНБ РУ, архив. – следств. дело №П-20737, л. 31.

¹⁶ Рахман Хабиб (Хабибулин Рахман). Профессор Пулат Салиев. Машинопись. Л.2. Личный архив автора.

¹⁷ Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (далее ЦГА РУ), Ф. Р-56, оп. 1, д. 10, л. 23.

¹⁸ АСНБ РУ, архив. – следств. дело №ЛФ-37, литерное дело с докладными записками, агентурными сводками, меморандумами и перепиской П{остоянного} П{редставительства} ОГПУ в Средней Азии и ГПУ Узбекистана по разработке националистов за 1925-1926 гг., л. 562.

¹⁹ Там же, л. 562.

²⁰ Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан (далее ААП РУ), ф. 58, оп. 8, д. 868, л. 39.

²¹ Гулямов Я.Г. Несколько слов о научной деятельности профессора П. Салиев. 30 декабря 1964 года. Машинопись. Л. 1. Личный архив автора.

²² ААП РУ, ф. 58, оп. 11, д. 1038, л. 47-49.

²³ АСНБ РУ, архив.-следств. дело №П-20737, л. 138.

²⁴ ААП РУ, ф. 58, оп. 9, д. 846, л. 48-53.

²⁵ Там же, оп. 13, д. 1269, л. 2-3.

²⁶ АСНБ РУ, архив. – следств. дело №П-20737, л. 1, 2

²⁷ Там же, архив.-следств. дело №П-31922, количество томов 4, т. N 1, л. 50.

²⁸ Там же, архив.-следств. дело №П-20737, л. 23, 44.

²⁹ Там же, л. 1.

³⁰ Там же, л. 58.

³¹ Литвинский Б.А., Акрамов Н.Б. Александр Александрович Семёнов (Научно-биографический очерк). – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит.-ры, 1971. – С. 141-142.

³² Эргашев Б. Наследие братьев Саиджановых //Правда Востока. – №49 (22950). – Ташкент. 1993. – 27 апреля. – С. 2.

³³ Садькова Н.С. Музейное дело в Узбекистане. – Ташкент: «Фан», 1975, – С. 112-113.

³⁴ АСНБ РУ, архив. – следств. дело №П-31922, т. I, л. 16.

³⁵ Садькова Н.С. Музейное дело в Узбекистане... С. 113.

³⁶ АСНБ РУ, фонд бывшего 4-го Отдела КГБ УзССР, группа 8, оп. 5, по описи порядка №6, начато в 1923, л. 5 (об.).

³⁷ АСНБ РУ, архив. – следств. дело №П-31922, т.1, л. 53, 54.

³⁸ Образ Мусы Саиджанова в последнее время приковывает к себе всё более пристальное внимание не только историков и археологов, но и искусствоведов. См., например: Горшенина С.М. Муса Саиджанов – историк, археолог, искусствовед //Общественные науки в Узбекистане. – 1995. – №1-2-3. – С. 26-29.

³⁹ АСНБ РУ, архив.-следств. дело №П-20737, л. 37.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, л. 36.

⁴² Там же, л. 37, 38.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, л. 112.

⁴⁵ Там же, л. 114.

⁴⁶ Там же, л. 38.

⁴⁷ Там же, л. 39.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, л. 40, 41.

⁵⁰ Там же, л. 38.

⁵¹ Там же, л. 39.

⁵² Там же, л. 40.

⁵³ Там же, л. 42.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ ААП РУ, ф. 58, оп. 11, д. 1073, л. 149.

⁵⁶ АСНБ РУ, архив.-следств. дело №П-20737, л. 43, 44.

⁵⁷ Хисамов Нурмухаммет. «Будь настоящим соловьем...» К 130-летию со дня рождения Дардменда //Идель. – 1989. – №6. – С. 38-39.

⁵⁸ АСНБ РУ, архив.-следств. дело №П-20737, л. 19, 32.

⁵⁹ Гулямов Я. О Пулате Салиеве. Машинопись. Личный архив В.А. Германова.

⁶⁰ Чеботарёва В.Г., Раджапова Р.Я. Историко-партийная наука в Узбекистане. – Т.: Узбекистан, 1982. – С. 44.

⁶¹ ААП РУ, Ф. 617, оп. 5, д. 86, л. 62-68.

⁶² Эль-Регистан. Лай цепных собак кокандского хана //Правда Востока. - 1929. - 17 апреля.

⁶³ ЦГА РУ, ф. 1726, оп. 1, д. 38, л. 185-187. ⁶⁶ АСНБ Республики Узбекистана, архив.- следств. дело №П-20737, л. 27.

⁶⁴ О существовании этой статьи автору стало известно из материалов архивно-следственного дела Пулата Салиева. К сожалению, в библиотеках Узбекистана номер этого журнала обнаружить не удалось. Но поиск продолжается.

⁶⁵ АСНБ РУ, архив.-следств. дело №П-20737, л. 27.

⁶⁶ Об азиатском способе производства. Стенографический отчёт дискуссии по докладу т. Берина. Под редакцией А.А. Болотникова и С.Е. Сефа. – Тифлис: Зап.-книга. 1930. – 152 с. (Закавказское отделение Общества историков-марксистов при Комакадемии); Спорные вопросы методологии истории (Дискуссии об общественных формациях на объединённом заседании ПОКа и Общества историков-марксистов). – Харьков: Пролетарий, 1930. – 239 с.; Дискуссия о социально-экономических формациях (в обществе историков-марксистов, Москва, май 1929 г.) //Историк-марксист. – 1930. – Т. 16. – С.104-161.

⁶⁷ АСНБ РУ, архив.-следств. дело №П-20737, л. 28.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ ААП РУ, ф. 617, оп. 1. 354, л. 1-6.

⁷⁰ Гуревич А. О положении на историческом фронте Средней Азии //Революция и культура в Средней Азии. Сборник первый. – Ташкент: Изд-во САНИИМЛ при Средазбюро ЦК ВКП (б), 1934. – С. 4-13.

⁷¹ Гуревич А. Указ. статья. С. 4.

⁷² Гуревич А. Указ. статья. С. 12

⁷³ Гуревич А. Указ. Статья. С. 5.

⁷⁴ Там же. С. 6.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Гуревич А. Указ. статья. С. 6.

⁷⁷ Там же. С. 7.

⁷⁸ Гуревич А. Указ. статья. С. 7.

⁷⁹ Проф. Пулат Салиев. Об ошибкам, допущенных А.М. Гуревичем в его статье «О классовой борьбе в Самарканде в 1365-1366 гг.». (Труды Государственной публичной библиотеки УзССР, том I). //Литературный Узбекистан. – 1936. – Книга четвёртая. – С. 124-133.

⁸⁰ Проф. Пулат Салиев. Указ. статья. – С. 132-133.

⁸¹ Мухитдинова Ф.П. Воспоминание о моём отце и некоторые известные мне факты из жизни профессора Пулата Маджитовича Салиева (1882-1938 гг.). Машинопись. 7 с. С. 6-7. Личный архив автора.

⁸² АСНБ РУ, Архив.-следств. Дело №П-20737, л. 23.

⁸³ АСНБ РУ, архив.-следств. Дело №П-20737, отдельная связка, л. 2.

⁸⁴ Там же, отдельная связка.

⁸⁵ АСНБ РУ, архив.-следств. Дело №П-20737, отдельная связка, л. 5.

⁸⁶ Там же, л. 3.

⁸⁷ Там же, лл. 33, 57, 58.

⁸⁸ Там же, л. 35.

⁸⁹ Там же, л. 74.

⁹⁰ История Узбекской ССР. В IV Т. Т. III. Ташкент: Издательство «Фан», 1967. С. 643. См. также первый научный очерк о П.М. Салиеве профессора Б.В. Лунина: Пулат Салиев. Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Том II. Составитель Б.В. Лунин. Ташкент: «Фан», 1977. С. 107-110.

ОБ АВТОРЕ

Валерий Александрович Германов, историк, историограф, журналист, автор свыше 100 публикаций по истории и историографии государств Средней Азии, Казахстана и России родился 26 декабря 1950 года в Ташкенте.

В 1969-1971 годах находился на военной службе.

В 1977 году окончил Ташкентский государственный университет (ныне Национальный университет Узбекистана).

Первые научные публикации В.А. Германова появляются уже на студенческой скамье. С 1978 года его деятельность тесно связана с Институтом истории Академии наук Узбекистана. После завершения аспирантуры в 1987 году защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Работает старшим научным сотрудником, в 1988-1992 годах являлся заведующим Отдела историографии Института истории Академии наук Узбекистана. Здесь же после окончания докторантуры им была подготовлена и рекомендована к защите докторская диссертация.

В.А. Германов член Союза журналистов Узбекистана. Являлся в 1978-1983 годах редактором, ответственным секретарём и членом редакционной коллегии журнала «Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Республики Узбекистан», в 1994-1996 годах членом Редакционного совета журнала писателей Узбекистана «Звезда Востока», в 1997-1998 года заместителем главного редактора «Узбекистанского гуманитарного журнала. Общественное мнение», с 1998 года является членом редакционной коллегии данного журнала. В 1998-2000 годах – член национального Правления Института Открытое Общество – Узбекистан (фонд Джорджа Сороса). В.А. Германов с 2000 года ассоциированный исследователь Французского института по изучению Центральной Азии (IFEAC). Печатался во Франции.

Читал курсы лекций по истории и историографии Узбекистана и государств Средней Азии в Национальном университете Узбекистана, Ташкентском государственном педагогическом университете имени Низами, Ташкентском государственном университете мировых языков, Каракалпакском государственном университете имени Бердаха.

В центре внимания исследователя история государств Средней Азии и России во второй половине XX – XX столетиях.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА.....	3
I. КТО ВЫ, ПРОФЕССОР САЛИЕВ?.....	5
II. НА РОДИНУ ПРЕДКОВ, В ТУРКЕСТАН.....	9
III. ПИСЬМО ИЗ БЕРЛИНА.....	11
IV. ПУЛАТ САЛИЕВ – РУПОР ТУРКЕСТАНСКОЙ АВТОНОМИИ.....	14
V. КРУШЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ. ВНУТРЕННЯЯ ЭМИГРАЦИЯ.....	16
VI. ПЕРВЫЙ ПРОФЕССОР ИСТОРИИ.....	20
VII. НАД ВОСТОЧНЫМИ РУКОПИСЯМИ. НА ПУТИ К АКАДЕМИИ.....	22
VIII. ПЕРВАЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ КАФЕДРА ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ.....	23
IX. В ДОМЕ НА НАБЕРЕЖНОЙ.....	24
X. ПРОТИВНИК РЕЖИМА, ИЛИ НЕВИННАЯ ЖЕРТВА?.....	26
XI. ЦЕНА БИБЛИОТЕКИ.....	27
XII. МЕМОРАНДУМ НА ПРОФЕССОРА САЛИЕВА.....	32
XIII. КОМУ ПЕРЕДАТЬ ЗНАНИЯ?.....	34
XIV. РАЗМЫШЛЕНИЯ «НА ПУСТОЙ ЖЕЛУДОК» – I.....	36
XV. РАЗДУМЬЯ ПРОФЕССОРА О МУХАММЕДЕ ЯКУББЕКЕ.....	36
XVI. РАЗМЫШЛЕНИЯ «НА ПУСТОЙ ЖЕЛУДОК» – II.....	38
XVII. О ЖИЗНИ И СМЕРТИ, О ЛЮБВИ.....	40
XVIII. ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ ТРУД ПРОФЕССОРА.....	43
XIX. ПО ЖИЗНИ – ВЕЛИКИМ ШЕЛКОВЫМ ПУТЁМ.....	45
XX. АБРАМ ГУРЕВИЧ НА «ИСТОРИЧЕСКОМ» ФРОНТЕ.....	49
XXI. ПУЛАТ САЛИЕВ В ПАМЯТИ, НАСЛЕДИИ И РАЗМЫШЛЕНИЯХ.....	52
ВМЕСТО ЭПИЛОГА И ЭПИТАФИИ.....	57
ПРИМЕЧАНИЯ.....	59
ОБ АВТОРЕ.....	63